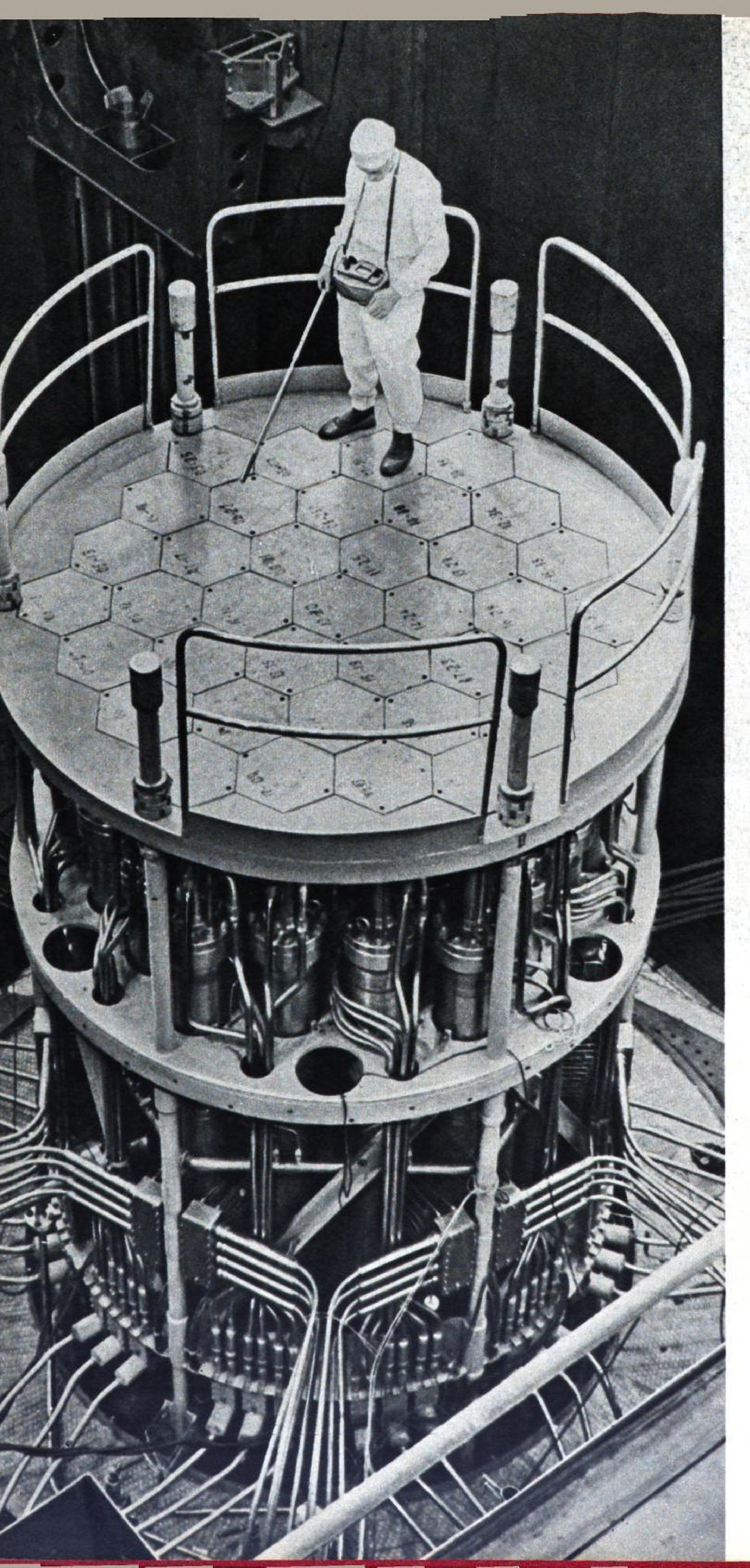

ОГОНЁК
№ 45 НОЯБРЬ 1964
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
С. Коненков. НА ДЕСЯТОМ ДЕСЯТКЕ
ХОДОК ИЗ УРЛЮТЮБА
Халдун Танер. МЕЧ И ПЕРО
КАРАКУМЫ, 1964-й...

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

42-й год издания

№ 45 (1950)

1 ноября 1964

ЦИТАДЕЛЬ МИРНОГО АТОМА

Вл. ПАВЛОВ,

Я. РЮМКИН

Нововоронежская АЭС встретила нас тишиной, удивительной, прямо-таки сельской свежестью воздуха и чистотой.

В сущности, только реактор отличает АЭС — атомную электростанцию от обычной ТЭЦ или ГРЭС. Процесс в принципе тот же самый: грей воду, подавай пар в турбину, соединенную с генератором, и получай электроэнергию. Вот и все.

Но родство это очень дальнее и условное. На самом же деле класс атомной станции, уровень ее производственной культуры во всех звеньях на две головы выше, чем на любой другой.

Начать с того, что внутренняя часть реактора (здесь его называют «аппаратом»), вода-теплоноситель, сжатая давлением в сто атмосфер и нагретая до двухсотвосьмидесяти градусов,— все это должно быть наглухо, абсолютно герметично изолировано от внешней среды.

Под ногами дозиметриста Георгия Беляева бушует атомное пламя. Но сверху, на крышке реактора,— чистота, тишина, прохлада.

(Продолжение на стр. 6.)

ФИНИШ? НЕТ, СТАРТ!

Снова на родной земле. Слева направо: гребец В. Иванов, боксер В. Попенченко, борец А. Медведь, гимнастка Л. Латынина, штангист Л. Жаботинский, борец А. Иваницкий. Все они добились почетной победы в Токио.

В. ВИКТОРОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото Л. БОРОДУЛИНА и ЮПИ.

* * *

Итак, как это всегда бывает в жизни, все пришло к своему завершению. Казалось, только вчера прозвучала команда «Внимание, старт!», и вот не успели мы оглянуться, как промелькнула середина дистанции, прошли ее последние метры. А теперь мы задаем себе вопрос: «Финиш?» — и отвечаем: «Нет, старт!»

Да, хоть XVIII Олимпийские игры и завершены, хоть и разъехались, разлетелись в разные стороны пять с половиной тысяч лучших спортсменов мира, хоть нам уже в Токио выдан был первый том официальных протоколов Олимпиады и обещана в течение ближайших дней доставка остальных трех томов, хоть газеты и телеграфные агентства подвели уже окончательный итог неофициальной командной борьбы, а о финише нет и речи.

Руководители команд, тренеры и сами спортсмены еще в Токио начали тщательно изучать результаты отгремевшей борьбы, искать решения многих загадок, возникших в процессе соревнований, готовиться к новым встречам. И как бы естественным выражением этого вечного движения вперед были слова, вспыхнувшие на огромном электрическом табло токийского стадиона: «До встречи в Мехико»,— и слова президента Международного олимпийского комитета Эвери Брендеджа на торжественной церемонии закрытия Олимпиады: «Я призываю молодежь всех стран собраться через четыре года в Мехико, чтобы отпраздновать XIX Олимпиаду». Еще мелькает у нас перед глазами трогательно повторенное дважды слово «сайонара» — что по-японски значит до свидания, а нам уже слышится «буэнос диас», как будет звучать слово

«здравствуйте» на олимпийском стадионе в мексиканской столице.

Вспоминается наше прощальное посещение олимпийской деревни в день закрытия Олимпийских игр. Последние встречи состоялись накануне, и спортсмены готовились теперь к заключительной церемонии, укладывали вещи, прощались со своими друзьями из других стран. Японский велосипед, ставший за дни Олимпиады средством контактов и дружбы, в последний раз нес в своем покойном седле то негра из Ганы, то длинноногого шведа, то стройную новозеландскую девушку, то индийца в тюрбане.

Увы, об этой тяжеловесной прогулочной машине нам довелось писать чаще, чем о стремительном гоночном ее собрате. И не потому, что велосипеды олимпийской деревни были тут на виду, в то время как до гонщиков не так-то легко было добраться: они жили и соревновались в маленьком городке Хатиодзи, в 46 километрах от Токио. Просто ездить туда было бы одним сплошным огорчением: плохо выступали наши велосипедисты. Вместе со стрелками и конниками они как бы составляли арьергард нашего олимпийского отряда.

Много огорчений ждало нас в Токио. И сейчас, когда уже все позади, казалось бы, ни к чему возвращаться к этим огорчениям, тем более что товарищи велосипедистов, конников и стрелков — боксеры, штангисты, волейболисты, фехтовальщики, гимнасты в конце концов уравновесили их промахи и просчеты. Но это было бы не по-спортивному — утешать себя удачами и закрывать глаза на неудачи. И поэтому в наше последнее посещение олимпийской деревни мы не удивились, когда в предотъездной радостной сутолоке вдруг услышали: «Вам Виктора Ильича? Он сейчас на совещании тренерского совета».

В одной из комнат нашей олимпийской резиденции в день закрытия Олимпиады совещались тренеры команды легкоатлетов. Не дожидаясь возвращения домой, они подводили нерадостные итоги выступления своих питомцев и пытались нащупать корни неудач. Ведь впереди новые встречи с сильными соперниками, впереди Мексика, и нельзя терять ни одного часа.

ПРОСЧЕТЫ И ПАРАДОКСЫ

О неудачах наших легкоатлетов писалось много и нами и зарубежными обозревателями. Ведь легкая атлетика всегда была главным стержнем Олимпиад, а в последнее время спор двух команд, СССР и США, привлек к этому

В. Попенченко признан лучшим боксером токийской Олимпиады. Так закончился его бой с боксером из Западной Германии Е. Шульцем. Нокаут!

Борис Шахлин, как всегда, невозмутим. Он завоевал золотую медаль на перекладине.

Советские гимнастки завоевали командное первенство.

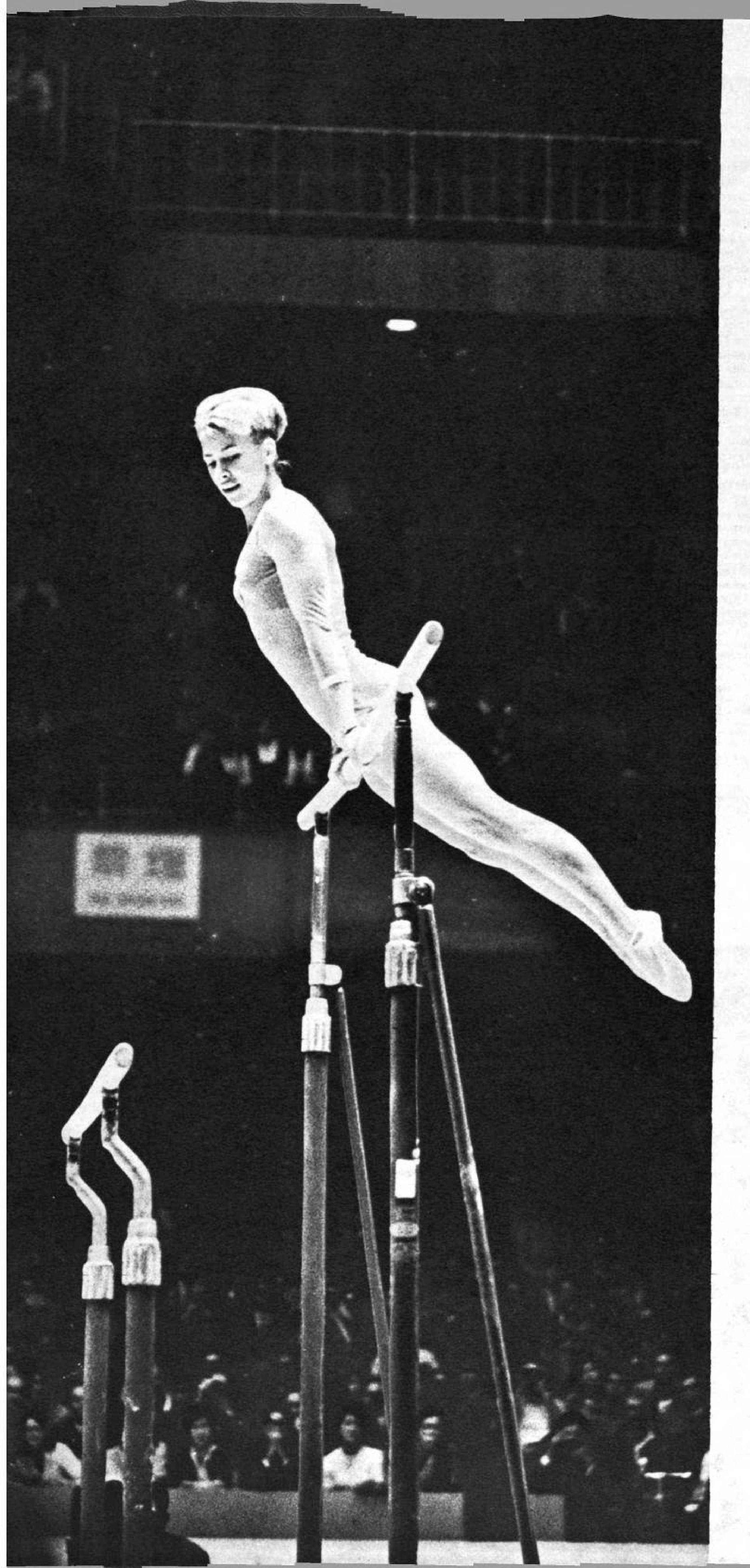
Мы знаем этого спортсмена по Риму. В Токио эфиоп А. Бикила вторично завоевал золотую медаль в марафонском беге.

Валерий Брумель победил двух сильнейших прыгунов США — Д. Томаса и Д. Рамбо.

Для японских ребят дождь не помеха. Они не покидали стадион.

виду спорта еще большее внимание. Спор двух команд достиг своей кульминации к лету нынешнего года и должен был с новой силой вспыхнуть в Токио. И действительно, на XVIII Олимпийских играх борьба легкоатлетов достигла такого накала, которого не было на предыдущих Олимпиадах. И объяснялось это не только спором советских и американских атлетов, но и высоким уровнем подготовки спортсменов многих стран.

Не часто на Олимпийских играх устанавливалось такое количество мировых рекордов, а каким эффектным финалом завершился восьмидневный спор легкоатлетов! В тот день, 21 октября, разыгрывались три эстафеты—4 × 100 метров для женщин и мужчин и 4 × 400 метров для мужчин. И все три эстафеты принесли мировые рекорды. Увы, ни один из них не принадлежит нашим бегунам. Мы вообще не выиграли ни одного бега на коротких, ни на средних, ни на длинных дистанциях.

Много огорчений доставили любителям спорта легкоатлеты. И вот уже в Токио, не отходя, как говорится, «от кассы», тренеры начали обсуждать причины этих неудач. Правда, в числе участников этого обсуждения были и такие тренеры, которые вполне могли бы гордиться успехами своих учеников. Именно одного из них мы и искали. Вот он перед нами — Виктор Ильич Алексеев. Он знаком уже многим читателям «Огонька». Незадолго до начала Олимпиады на страницах нашего журнала о его мастерстве рассказывала одна из его учениц, нынешняя двукратная победительница XVIII Олимпийских игр Тамара Пресс. Мы знаем, с каким творческим подъемом, с какой ответственностью готовил Алексеев своих учеников к Токио. И вот результаты его труда: Тамара и Ирина Пресс, Галина Зыбина, Анатолий Михайлов принесли пять олимпийских медалей — три золотые и две бронзовые. Они набрали 33 очка, четверть всех победных очков, внесенных советскими легкоатлетами в общий фонд победы.

Да, все это так. Но Алексеев говорил с нами не об успехах своих учеников, а о том, что́ помешало многим другим спортсменам выступить успешнее. По его мнению, главный наш просчет заключается в том, что мы ограничили и без того не очень широкую базу резервов, которыми располагаем. За бортом олимпийской команды оказались многие молодые спортсмены и тренеры. «Вот я и предложил вести работу не одной олимпийской командой, — говорил Алексеев,—а по крайней мере десятью, с максимальным привлечением свежих сил, на основе творческого соревнования и широкого обмена опытом. Ничего, главное не унывать! Было время, когда наш опыт старательно изучали соперники, теперь и нам есть что у них позаимствовать».

Конечно, это самое важное. И важно еще помнить о том, что в великолепном расцвете легкой атлетики, который мы наблюдали на токийском стадионе, большую роль сыграл наш опыт, организационный, методический, научный. Благодаря этому опыту мы добились немалых успехов и в Мельбурне и в Риме. Мы не делали из него секрета, и им очень умело воспользовались и многие американские тренеры и тренеры других стран.

Конечно, смешно было бы утешать себя тем, что американские стайеры победили потому, что старательно перенимали опыт наших замечательных бегунов Куца и Болотникова. Еще недавно робкие ученики, мастерство которых совсем не котировалось на международных аренах, переросли своих учителей. Ну а что же сами учителя?

Мне довелось получить авторитетный ответ на этот вопрос. Если моим соседом во время бега на 10 тысяч метров оказался Эмиль Затопек, то во время бега на 5 тысяч метров рядом сидел Владимир Куц. От него-то я и узнал, что наша главная надежда в пятикилометровом беге—Николай Дутов готовился к Токио, не используя накопленный опыт, что он «набегал» в десять раз меньше, чем в свое время делал Куц, что перед выступлениями в Токио он почти прекратил тренировки...

Словом, получается, что мы сами в подготовке своих стайеров отказались от ценнейшего опыта, любезно предоставив его своим соперникам. Победитель бега на 10 тысяч метров американец Миллс, оказывается, тренировался на марафонских дистанциях так же, как в свое время Эмиль Затопек. И после первой

своей победы совсем неплохо он выступил и на марафонской трассе. Почему же наши молодые бегуны стали бояться больших нагрузок, благодаря которым Владимир Куц добивался своих побед? Печальный парадокс!

А скороходы! Еще недавно им не было равных. И вот в Токио их ждал провал. В чем тут дело? Нет ли ответа на этот вопрос в заявлении победителя англичанина Мэттьюса, который сказал журналистам: «Ходить не очень просто, но приятно». Да, как это ни парадоксально, ходить не очень просто, но, если к этому ходьба еще не доставляет удовольствия в результате тренерских просчетов, то, конечно, трудно рассчитывать на успех.

Высшее мастерство — это всегда тончайшее сочетание многих качеств. И малейший просчет здесь влечет поражение. В этой связи вспоминаются слова победителя в метании диска, трехкратного олимпийского чемпиона американца Ортура о молодом чехословацком дискоболе Данеке: «Замечательный спортсмен. Его недостаток в том, что он слишком сильно метает диск». Снова парадокс? Может быть. Но не в этом ли «слишком» причина поражения копьеметательницы Эльвиры Озолиной и толкателя ядра Виктора Липсниса? Слишком уж им хотелось сильно «запустить» свой снаряд.

Непрерывные поиски новой техники, вера в свои силы, спокойствие — вот чему учат своих учеников лучшие тренеры В. Алексеев, Л. Митропольский, В. Попов. Они учат своих учеников никогда не считать, что те достигли совершенства, потому что это чувство в основе своей бездеятельно и ставит предел развитию, как сказал известный японский писатель Какудзо Окакуро.

КОНЕЦ — ДЕЛУ ВЕНЕЦ

Теперь об изречении Окакуро следует не забывать и японским волейболистам и японским гимнастам. И те и другие достигли своей цели, в упорных поисках совершенства завоевали долгожданные победы на Олимпиаде. Мастерство их поистине поразительно и, конечно же, не нуждается ни в каких закулисных ухищрениях. Тем обиднее, что нам пришлось наблюдать в гимнастическом зале ход другой «олимпиады» — подпольной. Мы имеем в виду некоторых ретивых судей, которые чувствовали себя не арбитрами, а скорее участниками соревнования.

Не каждый спортсмен решится на такое смелое заявление, которое сделал перед началом борьбы японский гимнаст Ю. Эндо. Он не утаил от журналистов того, что нисколько не сомневается в своей победе. И Эндо, как мы теперь знаем, имел все основания для такой уверенности. Но спортивный накал в споре советских и японских гимнастов был столь велик, сила нашего Шахлина, которого некоторые японские обозреватели уже сбросили со счетов, оказалась настолько грозной, что не выдержали хваленые, тренированные нервы японских гимнастов. В Риме, когда гимнасты страны Восходящего солнца были слабее, нам не доводилось наблюдать столь неожиданных срывов, которые в Токио лишили их нескольких золотых медалей на отдельных снарядах и едва не изменили хода борьбы за абсолютное первенство.

Ю. Эндо, ставший лидером в этой борьбе, уже почти на финише внезапно сорвался в упражнении на коне. Если бы судьи дали объективную оценку его комбинации, Шахлин получил бы шансы догнать японского гимнаста. Но судьи после долгого совещания оценили комбинацию Эндо столь неоправданно высоко, что это вызвало законное возмущение в зале.

Не все было благополучно с судейством и у боксеров. Валерий Попенченко еще вначале долгого и трудного испытания, которое продолжалось чуть ли не все дни Олимпиады, когда исход борьбы был еще никому не ясен, бросил зарубежным журналистам, бравшим у него интервью, крылатую фразу: «Выиграть нетрудно, важно убедить в своей победе судей». К счастью, Валерию Попенченко это удалось.

Прекрасно выступили наши боксеры Станислав Степашкин, Борис Лагутин, Валерий Попенченко. Все они стали чемпионами Олимпийских игр. Высока цена медалей Виликтона Баранникова, Евгения Фролова, Станислава Сорокина, Ричарда Тамулиса, Алексея Киселева. Бронзовая медаль Вадима Емельянова вполне могла бы оказаться золотой, если бы он в трудном поединке с американским тяжеловесом не повредил себе руки в первом раунде.

О наших штангистах, об их заслуженном триумфе мы уже писали. И теперь, когда Олимпиада позади, еще яснее видишь, как велико мастерство советских силачей и их тренеров. Конечно же, в великолепной победе Леонида Жаботинского огромна роль его тренера Алексея Медведева.

Отлично поработал тренер баскетбольной команды Александр Гомельский и довел своих питомцев, так же, как и в Риме, до финальной встречи с американцами. А разве мало потрудились тренеры наших пловцов Галины Прозуменщиковой, Светланы Бабаниной, Георгия Прокопенко? На римской Олимпиаде пловцы не принесли советской команде ни одного очка, в Токио они заняли в командном зачете четвертое место, после пловцов Америки, Австралии, объединенной команды Германии.

Великолепен был финишный бросок советской команды. С каждым днем, с каждым часом все сокращался и сокращался разрыв между двумя гигантами — командами СССР и США. И вот в последний день спортсмены Советского Союза вышли вперед по общему числу медалей и по очкам.

Правда, мы не догнали американцев по золотым медалям. И это, конечно, не может не огорчать нас, но пусть хоть небольшим утешением будет то, что самые волнующие, самые незабываемые эпизоды токийской Олимпиады связаны с именами советских спортсменов.

Конечно, тремя китами, на которых будут стоять в спортивной истории XVIII Олимпийские игры, являются поединки Ю. Власова и Л. Жаботинского, Ю. Эндо и Б. Шахлина, В. Брумеля и Д. Томаса. О первых двух поединках мы уже писали, невозможно не вспомнить и о третьем.

Когда поздним, довольно прохладным вечером 21 октября начался финал многочасовой борьбы прыгунов в высоту, нельзя было не вспомнить о том, как развивались события четыре года назад, в Риме. Тогда два советских спортсмена также состязались с двумя американскими прыгунами, но вряд ли кто-нибудь мог предположить, что победа достанется не Джону Томасу. Теперь, конечно, первым фаворитом являлся советский спортсмен Валерий Брумель.

Тяжелый груз для спортсмена—слепое доверие зрителей. А тут еще были свежи в памяти Брумеля две неудачи, два проигрыша чемпиону римской Олимпиады Роберту Шавлакадзе перед самым отъездом в Токио. Но Брумель продемонстрировал огромное самообладание, исключительную волю, сумел сконцентрировать все свои силы и, оставшись один на один с Джоном Томасом, добился заслуженного успеха. Рекордсмен мира Валерий Брумель стал и олимпийским чемпионом, его победа увенчала восьмидневную борьбу легкоатлетов.

* * *

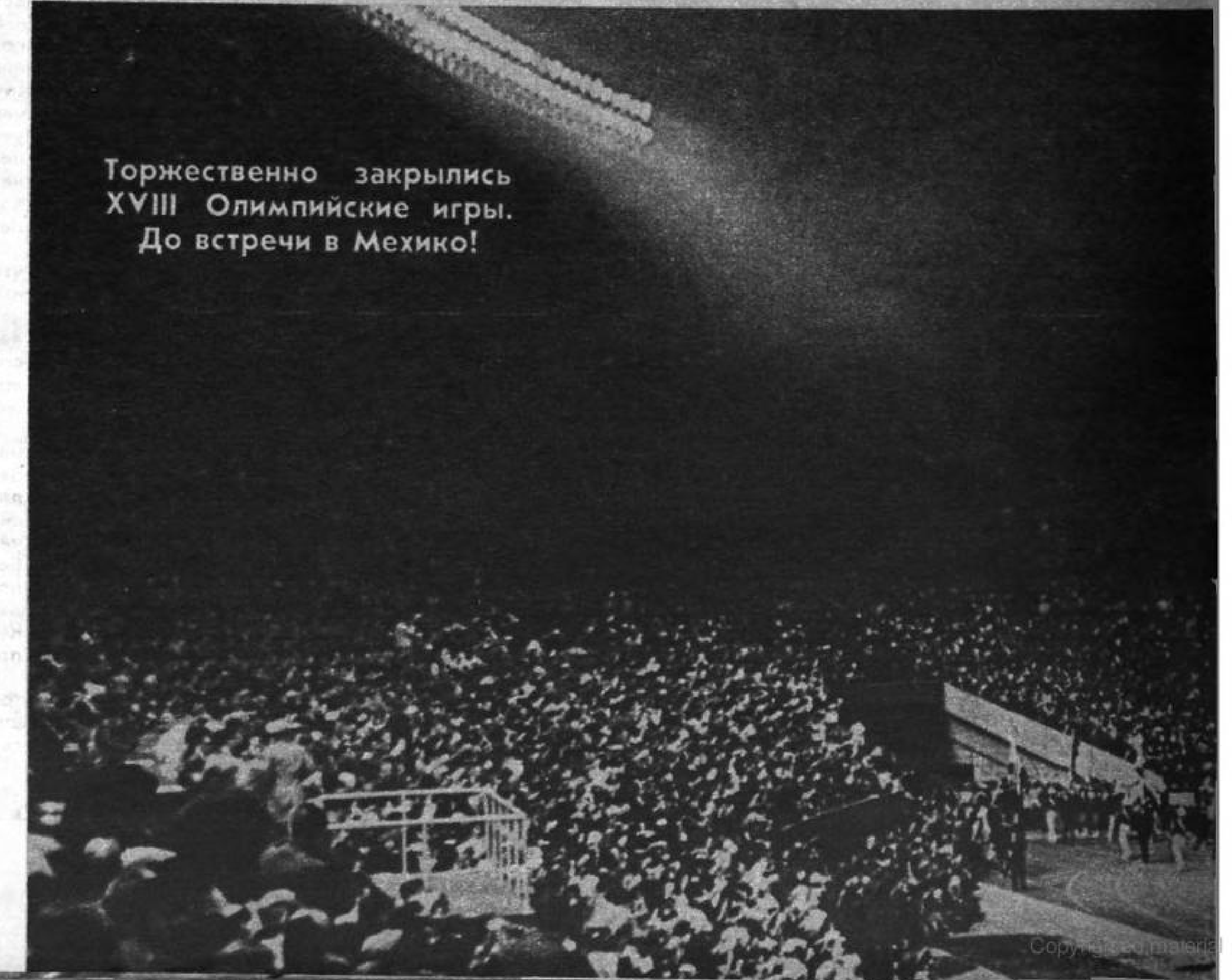
До сих пор мы уделяли львиную долю внимания героям Олимпиады — спортсменам, их воспитателям — тренерам. Но сейчас, завершая свой рассказ о встречах в Токио, невозможно не сказать и о других героях Олимпийских игр — зрителях. Я вижу японских школь-

Ю. Власов поздравляет с победой Л. Жаботинского.

Решающий бросок Тамары Пресс.

Советские волейболисты прошли через все испытания.

ников и студентов с раннего утра в любую погоду, заполнявших верхние ряды Национального стадиона. Я вижу и любителей спорта, приехавших в Токио со всех концов света. Вот один из них — пожилой датчанин. Он в такси оставил билет на открытие и со слезами на глазах кинулся в полицию, умоляя помочь ему найти драгоценную пропажу. Я вижу пожилых людей, которым нелегко приходилось в круговороте огромного города. Они спешили от одной спортивной арены к другой — поди поспей и на гимнастику и на баскетбол, на бокс и на плавание. А каково было любителям парусного спорта или гребли! Для того, чтобы добраться до залива Сагами или на канал Тода, надо было преодолеть много десятков километров.

Никогда не забуду отчаяния и гнева какого-то новозеландца, который опоздал к финальному бегу на 1 500 метров, где вторично в Токио одержал победу его земляк Питер Снэлл.

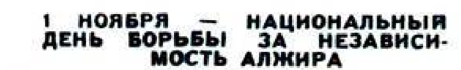
— О, наказание божье,— вскричал новозеландец, вздымая к небу руки,— кто выдумал этот спорт, эти Олимпиады! Подайте мне Кубертена! Это, кажется, он изрек, что спорт — союз мускулов и мысли. Какое заблуждение! Я приехал, чтобы увидеть бег Снэлла — и вот вам, пожалуйста, не успел, засиделся на дзюдо. Если вы хотите сойти с ума, поезжайте на Олимпийские игры...

Но я нисколько не сомневаюсь в том, что через четыре года, на XIX Олимпийских играх в Мексике, можно будет встретить если не этого новозеландского разгневанного энтузиаста, то другого очень на него похожего.

Токио — Москва.

Японские фоторепортеры были неутомимы.

1 НОЯБРЯ — НАЦИОНАЛЬНЫЙ ДЕНЬ БОРЬБЫ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ АЛЖИРА

ЮНОСТЬ ПОМОГАЕТ АЛЖИРУ

Виктор ЦОППИ

Кабилия — горестный и героический, богатейший и беднейший край Алжира...

Перед нами деревня Дуары. Домишки, глиняные, без окон и труб, слепились в неразрывную цепочку. Комната одна на десять, а то и больше душ — вместе с овцой, если она есть, или с тщедушным осликом за перегородкой. Фиговые или оливковые деревья по склонам. Иногда одно такое дерево принадлежит нескольким хозяевам, и тот, у кого три ветки, втрое богаче того, у кого только одна. И вокруг голый, давно сожженный склон с мертвыми, черными пнями...

— Французы бомбили, — с горечью говорит старый Али Бетуш.— Потому что все мы против них воевали — и старики, и малыши, и женщины наши. Поначалу они все искали «главарей». Найдут кого-нибудь — пытают, потом убьют. Брата моего французские солдаты тоже расстреляли. Нашли у него русскую винтовку. Меня долго пытали, но вот остался жив... Но все-таки мы их прогнали. А теперь мы хорошо жить будем. Правду говорят люди: новая жизнь начинается.

Старик смотрит вниз, туда, где раскинулась стройка. Стройка, о которой знает сегодня весь Алжир.

Сюда едут добровольцы из столицы и из самых дальних оазисов Сахары, со всех концов страны. Союз молодежи Фронта национального освобождения решил построить здесь новое большое село вместо четырех деревень, уничтоженных французской армией. Жить в этом селе будут семьи погибших героев, люди, которые вот уже восемь лет ютятся кто в сырых землянках, кто в шалашах из веток.

Вместе с алжирцами строят новую деревню в Удиа молодые болгары, марокканцы, кенийцы и наши советские парни. Наших здесь 112. Из них сто — студенты строительных институтов из Москвы и Минска, Ленинграда, Киева... Большинство из них пятикурсники, им осталось лишь защитить дипломы. Остальные двенадцать — специалисты разных отраслей: инженеры, агрономы, механики, геодезисты. Привезли они с собой строительную технику и строительные материалы: тракторы и грузовики и главное — горячее стремление по-настоящему, по-советски помочь алжирским друзьям.

Самое ходовое слово на стройке «давай». «Давай!» — кричит алжирец, просеивающий гравий, своему напарнику с тачкой. «Давай!» — кричит штукатур каменщику. «Давай!», «Давай!»... И под это зажигательное слово все работают бурно, увлекательно, быстро.

...В новой столовой на стене объявление: «Запись на курсы по ликвидации неграмотности на арабском, французском и русском языках». И хотя эти курсы еще не начали работать, все на стройке прекрасно понимают друг друга.

Юрий Алексеев из Ленинградского строительного института учит своего друга Мулая Хамеди заготовлять арматуру. Игорь Пэн, которого хорошо знает вся Целиноградская область, помогает группе алжирцев разобраться в моторе бетономешалки. Мастер по производственному обучению Андрей Вышинский, приехавший сюда из Узбекистана, сидит в кабине своего трактора вместе с Мурзугом Хедидешем из алжирского города Эль Аснам. Они вместе поднимают целину. А директор кубанского совхоза «Приазовский» Федор Федосеевич Городецкий с алжирскими крестьянами прикидывает, какие культуры выращивать здесь выгоднее всего.

Вечерами в палаточном городке звучат разные песни: и те, что родились в недавние трудные годы войны здесь, в Алжире, и те, что привезли с собой наши парни,— песни с Алтая, с Енисея, из тайги...

«Доктор» — аспирант Второго московского медицинского института — Борис Шуркалин ведет прием.

Стройка в Удиа.

Советские друзья помогают осваивать технику.

MEXICO CITY 1968

НАШ БОЛЬШОЙ ДРУГ

Временами во многих квартирах московских писателей среди сонма телефонных звонков раздается один, особенный звонок, после которого следует примерно такой диалог:

— Знаешь?
— О чем?
— Георгий приехал!
— Н-ну?! Где он остановился?.. Дай телефон!..

И как бы ни был занят писатель, он спешит скорее позвонить Георгию и договориться о встрече.

Многие знают его еще по фронту. Георгий удивлял даже видавших виды вояк своей храбростью, выносливостью, непритязательностью к трудным условиям окопного быта. Он участвовал в боях на Севере, затем в Венгрии, Австрии, Чехословакии. Работая корреспондентом армейской газеты, Георгий недолго засиживался в редакции — ровно столько, сколько надо было времени, чтобы написать очерк или рассказ, корреспонденцию или подборку боевых информаций. И снова спешил на передовую...

Потом мы узнали Георгия как строгого критика, вдумчивого редактора, доброго советчика. Не жди пощады, если в твоей рукописи или книге есть просчеты. Но коль постигла тебя удача или ты стоишь на пути к ней, Георгий тоже умеет сказать какие-то самые главные слова, от которых ты будто заново прозреешь, и тебе хочется скорее сесть за письменный стол.

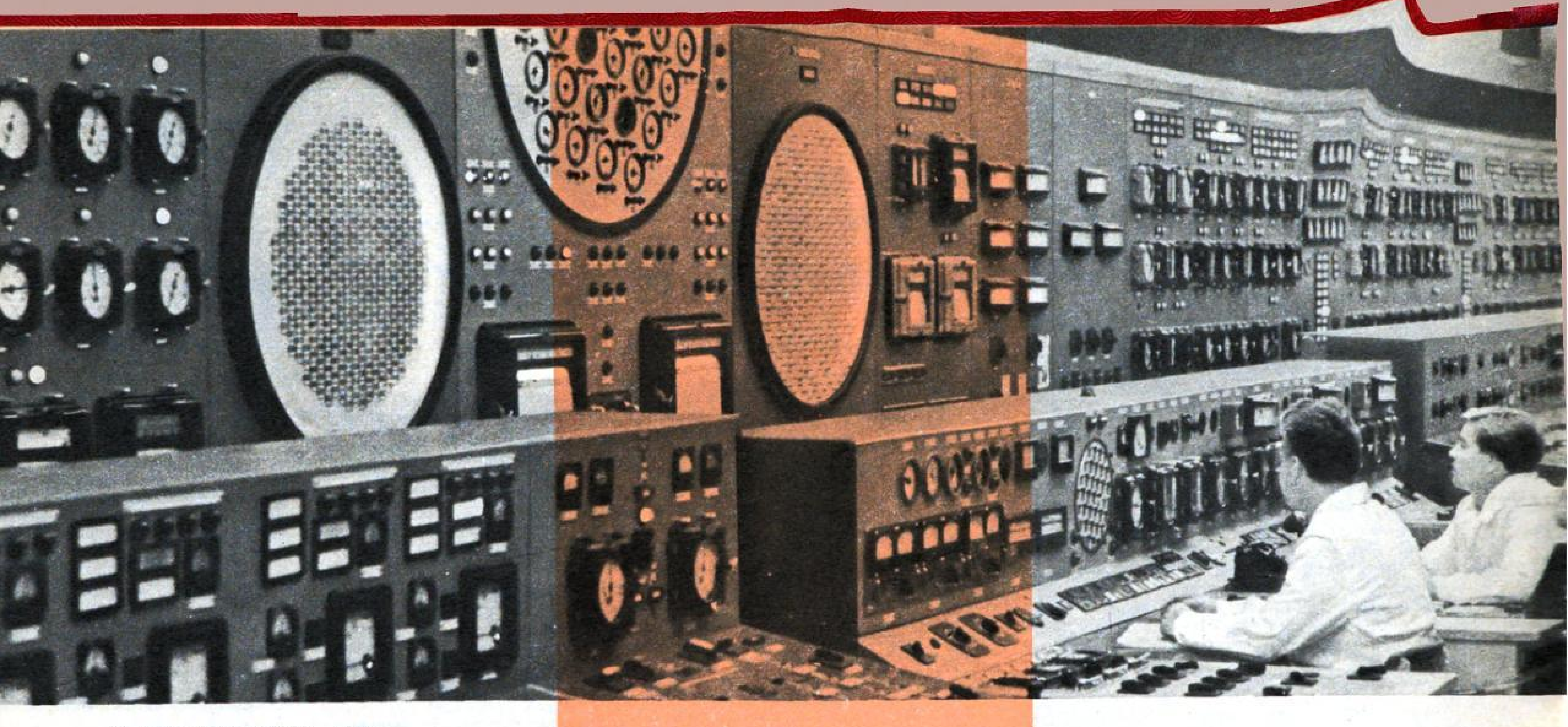
Писатели дорожат мнением этого человека потому, что сам он талантливый писатель, автор многих известных книг — Холопов Георгий Константинович, главный редактор журнала «Звезда», видный общественный деятель Ленинграда.

Как литератор, Георгий Холопов заявил о себе еще до войны романом «Медвежий лог» и книгой рассказов «Бегство Сусанны». В послевоенные годы он написал романы «Огни в бухте», «Грозный год», «Гренада» и несколько книжек рассказов о войне. Все эти произведения получили широкое признание читателей, а последний роман «Гренада» — особенное, как произведение, в котором талант писателя засверкал новыми гранями.

В творчестве Георгия Холопова большое место занимает образ С. М. Кирова. Романы «Огни в бухте» и «Грозный год» целиком посвящены кипучей деятельности Сергея Мироновича. В замечательном романе «Гренада», где мы видим, как рождается после революции социалистическое мироощущение у молодого поколения, писатель тоже обращается к образу Кирова — выдающегося деятеля Коммунистической партии.

Сейчас Георгию Константиновичу Холопову исполняется 50 лет. К своему юбилею он пришел с новым романом «Докер», в котором читатели встретятся с героями «Гренады» в других исторических условиях.

Иван СТАДНЮК

Мозг атомной станции — БЩУ.

ЦИТАДЕЛЬ МИРНОГО АТОМА

(Начало см. на 2-й странице обложки.)

Радиоактивные вещества не простят малейшей оплошности и жестоко накажут за любое упущение.

Поэтому, прежде чем аппарат начал работу, все его бесчисленные агрегаты и системы были тщательно проверены и неоднократно опробованы, в их надежности не может быть никаких сомнений. И все-таки реактор закрыт не навечно. После определенного срока — «кампании», понадобится извлечь отработавшие свое «твэлы» — тепловыделяющие элементы и заменить их новыми. Огромную камеру, в которой находится реактор, заполнят водой, и под ее защитой автоматические станки-гайковерты отвернут крепежные гайки, огромные краны с дистанционным управлением снимут многотонную крышку, извлекут кассеты с «твэлами» и установят новые. Если же потребуется ремонт, то неисправную деталь эти же краны перенесут в специальную камеру, называемую инженерами-атомниками «горячей», в которой автоматы сделают все необходимое — отрежут, приварят, острогают, притрут, отшлифуют.

А люди, одетые в белые комбинезоны из синтетической ткани, будут только наблюдать за действиями автоматов через специальные защитные освинцованные стекла и в необходимых случаях помогать им манипуляторами.

Но куда же девать воду? Ту самую, которая служила предохранительным щитом? Ведь ее никак нельзя просто сбросить в канализацию, в ней содержатся радиоактивные частицы! Эта «защитная» вода, как и всякая другая вода, попавшая на атомную станцию, в том числе и та, что использована для мытья и уборки помещений, никогда уже не покидает пределов АЭС. Вода проходит специальную очистку, освобождается от радиоактивных частиц и от обычной грязи и вновь возвращается в производство. А отстой и всевозможные соли, оставшиеся от очистки, сливаются в специальные непроницаемые для излучений хранилища, в которых они будут отстаиваться, пока окончательно не потеряют всю свою радиоактивность...

Слово «чистота» на атомной станции имеет отнюдь не обыденное значение. Мусор, пыль, грязь здесь попросту невозможны, о них и говорить не приходится. А под чистотой тут понимают нулевую радиоактивность, полное отсутствие всяких следов атомного распада, который бушует в недрах станции. За этой, так сказать, «атомной» чистотой неусыпно следит специальная дозиметрическая служба. Ее «глаза» и «уши» — чувствительнейшие дозиметрические приборы можно увидеть повсюду: в многочисленных лабораториях, в цехах, на лестницах и переходах. Малейшее проявление активации — приборы тотчас поднимут тревогу, загремят звонками, замигают красными лампами. Но приборы молчат: на станции царит абсолютная чистота. И обычная и атомная...

Если реакторный цех — сердце АЭС, то БЩУ — блочный щит управления — ее мозг. В длинной комнате, освещенной лампами дневного света, множество приборов, схем, кнопок, ручек. Стоит старшему инженеру-оператору нажать кнопку или повернуть ручку, как стрелки приборов точным и лаконичным языком цифр ответят на любой его вопрос. Отсюда, из БЩУ, можно в любой момент ускорить, замедлить или вообще прекратить ядерную реакцию в аппарате, отключить одну из петель внутреннего контура труб, в котором циркулирует вода-теплоноситель, сократить или увеличить подачу пара к турбинам, изменить режим вентиляции, проверить температуру...

Словом, не сходя с места, можно выполнить любое действие, связанное с работой АЭС. Кажется просто, а на самом деле работа на БЩУ — самая сложная и самая ответственная на станции. Человек как бы советуется с приборами, но у них лишь совещательный голос. Принимать окончательное решение надо самому. А для того, чтобы это решение было точным и единственно правильным, мало просто знать назначение приборов и кнопок. Надо еще ясно представлять себе всю комплексную взаимосвязь сложнейших физических явлений, происходящих в недрах станции, и уметь ими управлять. Тут нужно быть не просто оператором, а оператором-физиком, оператором-ученым. Так оно, собственно, и есть. Уровень знаний, научный кругозор у инженеров и физиков, обслуживающих БЩУ, таковы, что они могли бы тягаться с сотрудниками любого первоклассного научного института...

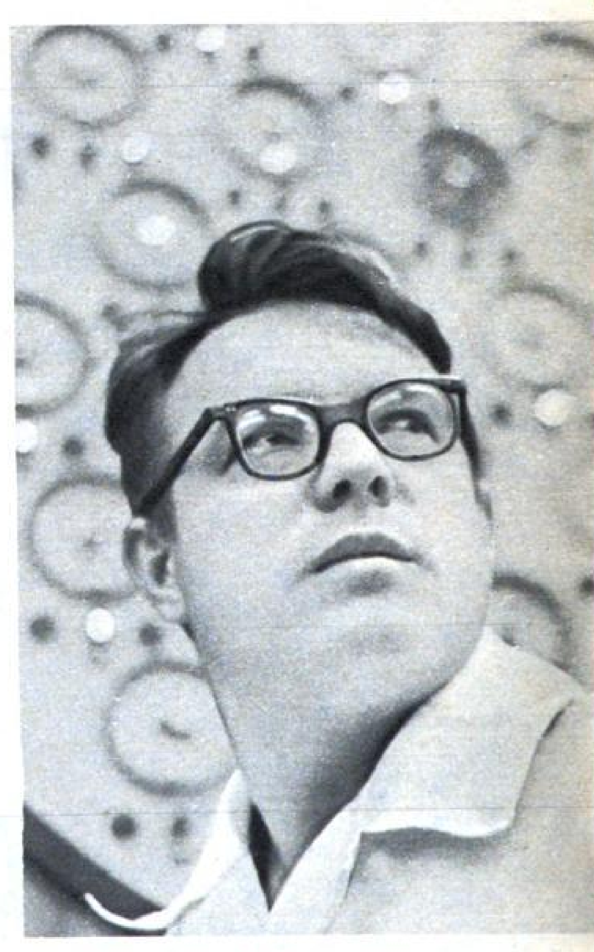
И это вполне естественно. На такой станции, хоть она и промышленное предприятие, без большой науки не обойтись. Многое из того, что сделано на Нововоронежской АЭС, сделано впервые в мире. Многое еще должно быть испытано, усовершенствовано, заново открыто.

Но главное уже свершилось.

Тот день, 30 сентября, в который мы приехали на АЭС, для нововоронежцев был необычным и праздничным. Сегодня в реакторе впервые приподняты стержни из бористой стали, регулирующие его работу. Из урана, заложенного в «твэлы», вырвались на свободу потоки нейтронов, началась цепная ядерная реакция... Первая очередь ударной комсомольской стройки завершена. И в энергосистему страны поступили первые киловатт-часы электрической энергии, рожденной мирным атомом.

— Дать пар турбине! — приказывает директор АЭС Федор Яковлевич Овчинников.

Начальник смены Виталий Седов.

Сегодня на Нововоронежской АЭС радостное событие — дан первый промышленный ток!

НОЯБРЬ

Мурад БУРБУН,
алжирский поэт

Мы могли бы
Без конца и без края растить
Родословное дерево
Наших братских могил.

Мы бы сделали это.

Но уже
Наша память увязла.
Мы так далеки от вчерашнего дня,
А завтра так близко.

Рассвет, весь в занозах и терниях,
Приоткрыл перед нами
Обетованную землю.
Нам не страшен оскал
разоренных полей.

Чтобы день обручился со днем,
Ночь должна расколоться
на тысячи звезд.
И тогда
Темнота околеет.

Поначалу
Кутили акулы,
Разевая зубастые пасти,
Изрыгая
Искалеченные слова.

Поначалу
Дремали клинки
В ножнах вялой мечты.

А настоящий путь человека —
От жизни к мечте,
От мечты — снова к жизни,
К новой жизни...

Поначалу
В детских глазах стыла
угрюмость,
Старики цепенели в балахонах
терпенья.
Юноши, томимые местью,
Были готовы свершить
Все, что вещали пророки.

Поначалу
От равноденствия
до солнцестоянья
Солнце толклось в тупике
Узником собственной тени,
Вереницей затмений багровых.
И ночь отмечала рубеж
Между нами
И человечностью.

Строители серых руин
Шли развернутым строем
На свою зловещую стройку,
Шли на резню, на убийство,
Как на свадебный пир.

Слепота леденила сердца.
А в настежь распахнутом небе
Увядала одинокая птица —
Ворон кружил.

Повесть вчерашнего дня,
Я слышу твой тягостный шаг;
Этот звук, точно песня источника,
Царапает сердце.

Слово, которое сказано вслух,
Бередит поджившую рану,
Обнажает рубцы,
Снова ранит тебя.

Слово, тебя я ловлю
в густой тишине,
Полной неслышного шума,
Тишина тебя мучает, слово,
Твоя жалоба жалит меня,
А источник струится,
Я затоплен трепещущим плеском.

Память
Приливом, отливом
Нахлынет, отхлынет,
Обнажая мокрый песок —
Картины вчерашнего.

Но сегодня — все снова.
Сегодня — начало!

Куба бьется с врагом,
и в зрачках —
Ослепительный гнев.
Истекает кровью Ангола,
Африке больно.
Испания бойким туристам
Продает сувениры.

В Париже
Снобы лепечут,
Что в такой-то нашей поэме
Недостает запятой...

Наш Ноябрь — живым!
Он к живым обращен,
Он свивает в огромный сноп
Возмущенье живых,
Барабаном рокочет,
созывая живых,
Поднимая народы на бой
Против последней зимы.
И зима обращается в бегство.

Свобода
Начинается только тогда,
Когда сброшены цепи
С последнего узника.

Братья,
Грядущая жатва —
Это искры сегодняшнего костра,
Это простор, что вливается
в нашу грудь,
Это — зерно, в котором зреют
Колосья.

Перевел с французского
М. Ваксмахер.

О МОЛОДОСТИ, О СЧАСТЬЕ

Щедрую выставку, посвященную 150-летию со дня рождения Шевченко, показали украинские художники сначала у себя в Киеве, а потом в Москве, в Центральном выставочном зале. Вот уже третий номер «Огонька» украшают репродукции картин, экспонированных там.

Года два назад Вилен Чеканюк отправился в суровый Красноярский край поглядеть, как там по воле молодых растет, разворачивает плечи светлый, юный город с названием, словно из сказки, Дивногорск.

Сначала Вилен, как и два его друга — тоже художники, писал этюды, делал портреты. Но так увлекателен и весел был ритм молодежного труда, что не вытерпели художники, отложили кисти и карандаши, взялись за отбойный молоток.

Потом до́ма, на Украине,— картина про Сибирь вышла будто сама собой веселая, задорная — о радости труда.

Закончил ее Вилен и снова с этюдником в путь. На этот раз в море, вместе с китобоями флотилии «Слава». Пока плавал, присвоили ему звание заслуженного деятеля искусств Украины, а картина его «Утро Сибири» получила диплом Союза художников СССР.

Григорий Галкин путешествует чаще всего по родной Харьковщине, воспевает в картинах ее молодость, заглядывает в завтрашний день. Строится, например, возле Шебелинки газопровод, и художник наблюдает, как дружит созидательный труд с новым, нарождающимся счастьем.

А счастье у нашей юности большое, сильное, красивое, бескрайнее — об этом поет картина Александра Хмельницкого (тоже, кстати сказать, удостоенная диплома Союза художников СССР за шевченковскую выставку). Идет молодое счастье «Нехожеными тропами» вдоль рек, через тайгу, по городам и стройкам. Идет новыми дорогами, что проложила трудовая советская молодежь и в бескрайней Сибири, и на месте старого шляха у Моринцев — родного села Тараса Шевченко, и к тому неизвестному украинскому селу, где нашел киевлянин Виктор Зарецкий своих «Девчат», с лицами ярче алых маков, что вышиты на рушниках.

Эльвира ПОПОВА

ОТВЕТ ЧИТАТЕЛЯМ

17 октября 1964 года в газете «Правда» напечатано объявление, которое обрадовало миллионы советских граждан: с 18 октября начинается подписка на газеты и журналы на 1965 год, причем подписка на центральные газеты и журналы принимается без ограничений, на любые сроки.

Обрадовались этому сообщению и многочисленные друзья «Огонька»: теперь отменены лимиты на наш журнал.

Но одновременно с этой приятной новостью в редакцию пришли письма, в которых читатели жалуются на невозможность подписаться на «Огонек».

Вот сигнал из деревни Яган, Частинского района, Пермской области: «Я был подписчиком вашего журнала несколько лет, а на 1965 год мне отказали в подписке на «Огонек». Обращался в Частинское районное отделение «Союзпечати», там мне тоже отказали и сослались на то, что подписка на «Огонек» на 1965 год намного сокращена. М. Лехтин».

К сожалению, Частинский район не одинок. Читательница А. Галкина из Архангельской области сообщает: «В нашем почтовом отделении Тавреньга, Коношского района, на «Огонек» не принимают подписку на полгода, а только на год. Правильно ли они поступают?»

Неправильно! Мы надеемся, что А. Галкина получила такой ответ до того, как было дано в «Правде» и других газетах объявление о подписке. И на местах внесли соответствующие поправки. Письма, в которых содержатся беспокойства о подписке, получены нами от А. Федорова из поселка Дальний, Кунгурского района, Пермской области, от М. Кузнецовой из Ужурского района, Красноярского края, от Г. Шапиренко из поселка Гнивань, Винницкой области, и от других читателей. И в этих случаях, по всей вероятности, речь шла еще о старом порядке подписки.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ! ПРОСИМ ИМЕТЬ В ВИДУ:
В КАЖДОМ ГОРОДЕ И ПОСЕЛКЕ, В КАЖДОМ СЕЛЕ, АУЛЕ, КИШЛАКЕ — ВСЮДУ «ОГОНЕК» МОЖНО ВЫПИСАТЬ БЕЗ ВСЯКИХ ОГРАНИЧЕНИЙ, НА ЛЮБОЙ СРОК. И ЕСЛИ ГДЕ-НИБУДЬ ЭТОТ ПОРЯДОК НАРУШАЕТСЯ, НЕМЕДЛЕННО СООБЩАЙТЕ НАМ. РЕДАКЦИЯ НАДЕЕТСЯ, ЧТО ТЕПЕРЬ У «ОГОНЬКА» БУДЕТ ЕЩЕ БОЛЬШЕ ДРУЗЕЙ, ЕЩЕ БОЛЬШЕ ТЕХ, КТО СВОИМИ СОВЕТАМИ И ПОЖЕЛАНИЯМИ БУДЕТ ПОМОГАТЬ ДЕЛАТЬ ЖУРНАЛ ЗЛОБОДНЕВНЕЙ, ИНТЕРЕСНЕЙ, ЯРЧЕ.

А. Хмельницкий (Харьков). НЕХОЖЕНЫМИ ТРОПАМИ.

В. Чеканюк (Киев). УТРО СИБИРИ.

Г. Галкин (Харьков).
НА ШЕБЕЛИНСКОМ ГАЗОПРОМЫСЛЕ.

Юрий ЮРОВ

На субботу у Ленина уже были назначены неотложные встречи. Владимир Ильич пригласил к себе итальянскую рабочую делегацию, находившуюся в Москве, условился о беседе с делегатом II конгресса Коминтерна от Коммунистической партии Голландии. А тут еще из Омска приехал и дал о себе знать Александр Васильевич Шотман, председатель Сибирского совнархоза. Сибирские дела тоже не терпели отлагательств. К тому же встретить старого, испытанного друга Владимир Ильич всегда был рад, поэтому свидание с ним было назначено на ту же субботу, 26 июня 1920 года.

Появился Александр Васильевич в приемной Ленина не один. Вместе с ним вошел седобородый старик лет семидесяти пяти. Шапка-ушанка была перетянута поперек красной лентой. Это был казак из станицы Урлютюбской, Павлодарского уезда, Семипалатинской губернии, Илья Данилович Путинцев.

Первым в кабинет Ленина вошел Шотман. Спустя какое-то время он пригласил в кабинет и старика.

Что связывало председателя Сибирского совнархоза со станичным казаком, какие пути привели старика Путинцева в ту субботу к Ленину?

Шотман был из тех душевных людей, которые умеют расположить к себе собеседника. Познакомился он со старым казаком на пароходе. Путинцев — коммунист, возвращался с партийных курсов в Омске. Пока пароход шел до пристани в станице Урлютюбской, старик успел рассказать о том, в каких муках рождается в деревне новое, советское. Поведал Илья Данилович и свою родословную. Есть в семье еще коммунисты: один из сыновей, несколько внуков и внучек.

— Мне скоро умирать, но перед смертью хотелось бы увидеть Владимира Ильича Ленина,— сказал на пароходе старый казак. И Шотман, видимо, обещал устроить это свидание.

И вот сегодня Ленин принимает станичного ходока.

Увидев Путинцева, Владимир Ильич вышел из-за стола:

— Здравствуйте, Илья Данилович!

И тут старый казак малость растерялся. Наступила пауза...

— Любезный деятель, поклон из Сибири,— подавляя волнение, наконец ответил на приветствие Ленина Илья Данилович.

Владимир Ильич усадил гостя вблизи себя, и между ними с первых же минут установилась атмосфера свободной, непринужденной беседы.

Прощаясь с Лениным, старик обратился к Владимиру Ильичу с просьбой:

— Разреши нам поставить в станице Урлютюбской при жизни памятник тебе...

Как мог ответить на это Ленин? Улыбнулся и стал отговаривать старого. Тогда Илья Данилович высказал новое пожелание:

— Разреши нам в станице устроить детский сад и назвать твоим именем...

— Сад — дело хорошее,— сказал Владимир Ильич.

Ободренный поддержкой Ленина, Путинцев сказал:

— Вот только красок, гвоздей, досок для решетки будет трудно достать.

— Ну, это, я думаю, нетрудно будет устроить, попросите Шотмана — ведь он там председатель совнархоза,— посоветовал Ленин.

— А ты напиши ему записку, чтоб дал,— сказал старый казак, будто рядом не было Шотмана.

Как здесь было не улыбнуться Ленину! Владимир Ильич тем не менее достал бланк Председателя Совета рабочей и крестьянской обороны и написал:

«Сибирским советским учреждениям

Прошу оказывать всяческое содействие подателю товарищу Путинцеву Илье Даниловичу для организации детского сада и других подобных предприятий в его местности Семипалатинской губ. Павлодарского уезда.

Председатель Совета Труда и Обороны
В. Ульянов (Ленин)»

Охваченный волнением, старик сказал:

— Спасибо, любезный деятель. А теперь напиши еще записочку, чтобы ЧК выпустила меня из Москвы, а то может выйти задержка...

Так появился на свет еще один ленинский документ. Это было удостоверение, разрешавшее Путинцеву выехать из Москвы на родину в вагоне председателя Сибирского совнархоза Александра Васильевича Шотмана.

— А теперь, любезный деятель, разреши тебя поцеловать,— сказал старик, расставаясь с Лениным. И Владимир Ильич сделал шаг навстречу ему.

Чем же закончился визит станичного казака к Ленину?

...Урлютюб. Его удостоил своим вниманием географический словарь Российского государства, собранный Афанасием Щекотовым и напечатанный в Москве в 1808 году. Из словаря можно узнать, что есть в Бийском уезде, Томской губернии, редут. Стоит он на правом берегу Иртыша, на низменном месте, и имеет до 30 домов обывательских... Более исчерпывающие сведения об Урлютюбе могли найти для себя собирающиеся путешествовать по иртышской линии в томе восемнадцатом «России» — настольной и дорожной книге, вышедшей в начале девятнадцатого века в Санкт-Петербурге. К тому времени некогда хорошо укрепленный форпост представлял собой уже большую, богатую казачью станицу.

И вот я держу путь на родину ходока Ильи Даниловича Путинцева.

Большой, полнокровной жизнью живет в наши дни село Урлютюбское. Здесь теперь отделение крупнейшего в Целинном крае совхоза «Прииртышский».

Десять лет тому назад, когда в Казахстане развертывалась героическая целинная эпопея, старая казачья станица переживала свое второе рождение. Сейчас степь распахана, много хлеба, молока производят потомки казаков и их побратимы-новоселы.

Много нового появилось и в самом облике села. Есть прекрасное здание школы, клуб с библиотекой, детский сад. Натужно гудит старенький мотор электростанции, построенной урлютюбцами еще в первые послевоенные годы. А в старый пейзаж казачьей станицы уже вписались мачты высоковольтной линии. Плывут по Иртышу самоходные баржи с хлебом.

И отовсюду, где бы вы ни находились в селе Урлютюбском, видны кроны деревьев того сада, начало которому положили здесь еще осенью двадцатого года казак Путинцев и его земляки.

Сад имени Ленина, памятник при жизни самому великому садоводу всех времен!.. Я увидел его, дышал здесь вместе с совхозными ребятишками ароматом свежей зелени.

Клен, акация, тополь... Возле памятника Ленину октябрята вступают в ряды пионеров. Тут проводятся все традиционные советские праздники.

Внуки красных казаков стали трактористами, комбайнерами, педагогами, врачами, инженерами. Борис Путинцев водит воздушный лайнер на трассе Хабаровск — Москва. Полковник Михаил Путинцев окончил военную академию.

Тесно стало в саду. Нынешней весной трактор поднял рядом новые гектары целины. Родился в совхозе «Прииртышский» парк, и его тоже назвали именем Ленина.

Живы ли современники станичного казака, который побывал у Владимира Ильича? Их немного, но с ними можно встретиться в Урлютюбском. Федору Никифоровичу Путинцеву сейчас 64 года. Он вспоминает, что решение послать Илью Даниловича к Ленину у станичных казаков созрело еще до его поездки на курсы в Омск. По возвращении из Москвы Путинцев обстоятельно рассказывал станичникам о своей беседе с Владимиром Ильичем, предложил помочь Москве и Петрограду хлебом. Его поддержали.

— Где у нас сейчас склады стоят, там был общественный амбар,— припоминает Федор Никифорович.— Если случался недород, из этого амбара давали на семейство по пять пудов ржи. Из этого фонда и был отправлен хлеб московским и петроградским рабочим.

— Сколько же хлеба послали?

— Я не мерил. Подошел пароход, его нагрузили...

— А как ленинский сад закладывали?

— Сначала позаботились об ограде. По пять жердей со двора —

так постановил сход. А как наступила осень, так началось переселение тополей и ракитника из поймы Иртыша в центр казачьей станицы.

В сорока километрах от Омска, в сибирском селе Большой Атмас, можно повидаться с дочерью Путинцева, Пелагеей Ильиничной.

Пелагея Ильинична помнит, как в день отъезда помогала отцу собрать котомку в дорогу, как запрягали лошадь и поехали на пристань. Помнит и тот долгожданный вечер, когда показался пароход, на котором отец вернулся в станицу из Москвы, от Ленина. Помнит она и то, как закладывался сад имени Ленина.

Памятник при жизни — это цветы, цветы, цветы. Они и на большом школьном участке и во дворе каждого дома...

— Это все ленинградские цветы,— рассказывал Василий Георгиевич Заводских, директор Урлютюбской восьмилетней школы.— Как так? А просто, ведь цветы наши из семян, присланных ленинградцами. На берегу Иртыша они прижились великолепно. Пятьсот ведер воды приносят ежедневно школьники с Иртыша, чтобы не знали недостатка во влаге любимые цветы.

Да, создание живого памятника Ленину продолжается и нынче. И участвуют в этом теперь еще и ленинградцы. Как же это произошло?

Василий Георгиевич в ответ на мой вопрос перебирает домашний архив и находит письма Нины Петровны Захарьевой, пенсионерки из Ленинграда, начавшей еще несколько лет назад присылать в Урлютюб семена цветов. Обратный адрес: Ленинградская область, почтовое отделение Сусанино, Шестая линия, 103... Еду в Ленинград, сажусь в электропоезд и через час оказываюсь в Сусанино. Открываю калитку и сразу попадаю в цветочное царство. Преклонных лет женщина в черных очках приглашает присесть.

— Здравствуйте, Нина Петровна,— уверенный в том, что моей собеседницей является Захарьева, обращаюсь я к хозяйке дома.

— Клавдия Алексеевна,— уточняет свое имя и отчество женщина и добавляет: — Комиссарова... А сейчас придет и Нина Петровна,— спешит она рассеять мое недоумение.

Война принесла Клавдии Алексеевне Комиссаровой, преподавателю математики, жестокие испытания. Она потеряла всех близких, лишилась зрения, осталась без крова. Добрые люди помогли ей собрать домишко здесь, на пустыре в Сусанино.

Беды обрушились и на Нину Петровну Захарьеву. Всю блокаду Ленинграда она перенесла в родном городе, работала медицинской сестрой. Ходит Нина Петровна на костылях: у нее парализованы ноги.

Женщины подружились. Пять лет назад они решили вырастить на участке дома Комиссаровой семена для цветов — в подарок целинникам. Клавдия Алексеевна этому очень обрадовалась. Захарьева стала выращивать цветы, а слепая учительница ощупью помогала вылущивать семена. Так эти семена и начали путешествие по целинным землям.

Нина Петровна достает карту Павлодарской области, всю испещренную красными линиями. Каждая черточка — это город, поселок, село, где растут цветы ленинградцев.

— А в Урлютюб посылаете семена?

— А как же... И письма оттуда приходят...

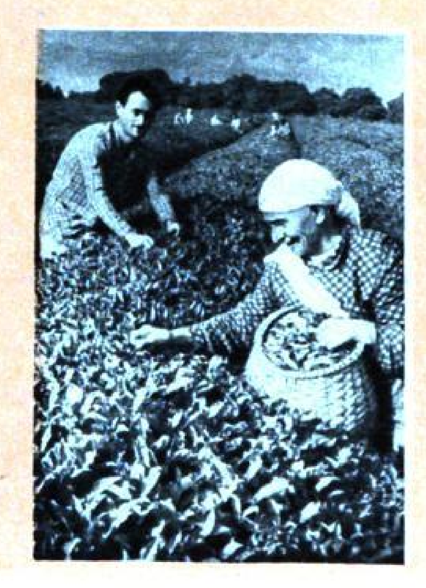
Читаю письма из Урлютюба со словами горячей благодарности — пишут уже знакомые мне учителя и школьники совхозной восьмилетки.

Ленинградские цветы — это теперь понятие собирательное, обобщенное. Тут и вклад ленинградского врача-пенсионера Антонины Тимофеевны Яковлевой. Она дарит Урлютюбу семена, выращенные ею на балконе 4-го этажа дома на Охте в Ленинграде. Другая ленинградка, Екатерина Григорьевна Федорова, тоже пенсионерка, лето проводит на садовом участке сына возле Ладожского озера. И оттуда тоже идут семена в Урлютюб, в парк имени Ленина.

О семенах, идущих в Ленинский сад, узнают цветоводы других городов. Они тоже вносят свою лепту. И теперь живой памятник Ильичу — это гигантский красочный букет, составленный цветоводами Ленинграда, Подмосковья, Бежецка, Одессы, Ташкента, Старого Крыма, Пятигорска, Сучана... Однажды пришел в Сусанино и пакет с семенами из далекой Африки. То была белая лилия. Какой-то цветовод, эстонец по национальности,— в свое время он вынужден был эмигрировать из буржуазной Эстонии,— узнав о переписке ленинградцев с целинниками, предложил и свой скромный дар.

ПОСЕЯВШАЯ ЗОЛОТО

Ия МЕСХИ, собственный корреспондент «Огонька»

На плантации Хьфаф работает рядом со своим внуком Константином.

Галя Дрелинг живет в Хабаровске, на улице Мичурина, с матерью, отчимом и двумя братишками, учится в 9-м классе, два раза в неделю работает в токарном цехе и в этом году хочет вступить в комсомол. Ей 15 лет. Больше я о ней ничего не знаю.

А Хьфаф Ласурна живет в Абхазии, работает в колхозе Кутол сборщицей чая. У нее есть сын, пять внуков и двенадцать правнуков. Ей 127 лет. И о ней я знаю если не все, то, во всяком случае, столько, что могу ответить на Галины вопросы. Тем более, что меня уполномочила это сделать сама Хьфаф и ее односельчане.

Было так. Мы вместе с секретарем колхозной парторганизации и несколькими бригадирами сидели у Хьфаф и перебирали ее почту. С тех пор как о 127-летней колхознице появились сообщения в печати, ей стали много писать. Написала и Галя из Хабаровска. Как и другие корреспонденты Хьфаф, Галя задавала «тысячу вопросов», интересовалась всем, что окружает эту удивительную женщину. Галя написала:

«Я хочу, чтоб Вы стали моей второй мамой. У Вас, конечно, много детей, внуков и правнуков. Пусть же в Вашу семью войдет и русская девочка...»

Сначала Хьфаф поняла это буквально и произнесла взволнованную речь на абхазском языке, в которой часто звучали слова «аюн», что значит «дом», и «адзгаб-хчы», что значит «девочка». Она звала Галю к себе в дом. Но ей объяснили, что у девочки есть своя семья и свои планы, а породниться с домом Ласурна она хочет, так сказать, символически.

— Тогда пусть приедет в гости,— сказала Хьфаф, не признающая символики.

Бригадир самой большой в колхозе 11-й бригады, заметив, что Хабаровск очень далеко от Кутола и девочке не осилить поездку материально, предложил от своей бригады первый взнос на авиабилет. Но тут вступил в разговор партийный секретарь агроном Ирадион Аджинджол и сказал, что взносы не нужны: правление колхоза на такое дело средства найдет. Прежде всего девочке надо ответить и пригласить ее приехать на каникулы.

Словом, разговор вокруг Гали разгорелся. Говорили, что поколение растет хорошее, что «наша Галя», видимо, задумывается о жизни и хочет о ней узнать побольше от людей разных, но достойных, что ее приезд был бы полезен не только для нее самой, но и для молодежи Кутола. Кто-то даже сказал, что, познакомившись с ней, кутольцы смогли бы дать ей рекомендацию в комсомол. Конечно, ей и в Хабаровске дадут рекомендацию, но так девочка вернее почувствует, что она «и наша»!

И меня попросили: если будет что-нибудь написано о Хьфаф, непременно рассказать о Галином письме и о том, что ее ждут в Кутоле.

Я эту просьбу выполняю и невольно все, что увидела и узнала у Хьфаф, прежде всего обращаю к Гале, девочке из Хабаровска, которая стоит у порога жизни.

Я представляю, как Галя приедет в этот солнечный край и возле приморского городка Очамчири свернет в сторону гор. Второе или третье село от Главной дороги будет Кутол — живописное, все в зелени, с двумя речками — одна

МИХАЙЛОВА СИРЕНЬ

Дм. ПРИКОРДОННЫЙ, собственный корреспондент «Огонька»

Добрый день вам, зеленые Карпаты! Мы с вами впервые увиделись четверть века тому назад. Добрый день тебе, славный древний Львов с новыми заводами и школами! И тебе добрый день, милая старенькая хата!..

...Она стоит на самой околице села Большие Подлески, она утопает в зарослях сирени. Много горя видела эта хата, потому что трудно было жить ее хозяину, бедняку Михайле. А тут еще жена умерла, осталось пятеро детей. Трудная жизнь идет медленно...

В тот теплый сентябрьский день 1939 года и в окна Михайловой хаты заглянуло большое солнце. Кончилась панская неволя! Тогда-то Михайло, большой любитель всего живого на земле, и посадил сирень вокруг хаты.

Но недолгой была радость. И двух лет не прошло, как началась война. Так и не зацвела молодая сирень... Вернулась неволя — страшная, фашистская. И снова борьба, снова тяжелая, упорная: в первый день войны у самой границы погиб сын Михайлы — Григорий, а за три дня до победы в Берлине сложил свою голову зять Кирилл — муж Ольги, младшей дочери.

А сирень кустилась, а сирень цвела среди пепелища. Рос у Михайлы внук Гриша, и первой труженицей в колхозе стала овдовевшая Ольга.

Потом умер старый Михайло. Остались в хате Ольга с Гришей. Жизнь солдатской вдовы — горькая жизнь. Но добросовестный труд сделал Ольгу Пасеку уважаемым человеком далеко за пределами Больших Подлесок, далеко за пределами Каменско-Бугского района. И уважение людей помогло ей выстоять в трудное время, найти свое место в жизни.

Самое распространенное имя в звене Ольги Пасеки — Анна. Анна Гуневская, Анна Бойко, Анна Хомин, Анна Кулик... Многие из женщин — ровесницы Михайловой сирени.

Конечно, не только общее имя так сдружило

Ольга Михайловна Пасека.

Фото Н. Козловского.

побольше, другая поменьше,— впадающими в Черное море.

Если Галя приедет в дом Ласуриа во второй половине дня, может быть, Хьфаф уже будет дома. Она поднимается с постели в тот час, когда, по ее выражению, у ленивого еще только полсна. Кругом темно. Хьфаф первая идет на плантацию километра за три-четыре, работает, пока не начинает сильно припекать, и возвращается домой совсем бодрая. Она не признает труда изнуряющего и считает, что это зависит от самого человека — сделать труд радостным или безрадостным, приятным или утомительным. Хьфаф Ласуриа собирает ежедневно по 25 килограммов чая.

И вот Хьфаф дома. Она сидит на широком балконе своего сколоченного из каштановых досок аюна, маленькая, быстрая, крепко сбитая, готовая тотчас двинуться навстречу гостю. Так будет, конечно, и с приездом адзгаб-хчы Гали. Хьфаф, верно, погладит ее по волосам, по плечам загрубевшей ладонью, сложенной в лодочку. Есть у нее такой характерный ласковый жест, выражающий особое расположение к человеку. А когда все усядутся, Хьфаф вынет свой чубук, разумеется, гостевой, с серебряной люлькой (глиняный, на каждый день, тут же, в кармане!), наполнит его крепчайшим самсуном, который вырастила сама, и закурит, поблескивая своими живыми, острыми глазами.

Это удивительно, но именно такая и есть Хьфаф, Посеявшая Золото,— так переводится ее имя на русский язык. И если иные много пожившие на свете люди любят пространно разглагольствовать о прошлом, то из Хьфаф все это надо вытаскивать клещами. Да, она участвовала в механджирстве во время Крымской войны. Тогда еще живы были ее родители, а сама Хьфаф была молодой красивой девушкой с длинными косами. Она это помнит, потому что на фелюге, которая увозила их в Турцию, не было пресной воды, и мать все беспокоилась, как бы косы не попортились от соли.

О механджирстве Галя может узнать много интересного из книг, а также от стариков. В течение двух десятилетий турки насильственно или же с помощью хитроумных провокаций угнали к себе десятки тысяч абхазцев. Это было большим бедствием для абхазского народа. Если Галя попросит, возможно, Хьфаф споет ей старую песню «Уезбань». В песне рассказывается о подкупленном турками авантюристе Уезбане, который ездил по абхазским селам с русским генералом, чтоб переводить его речи, обращенные к народу. Но Уезбань так искажал смысл этих речей и так настраивал слушателей против русских, что в конце концов генерала убили в одном селе, а все жители села бежали в Турцию и там погибли от голода и мучений.

Хьфаф не погибла. Ей удалось вернуться на родину. Она вышла замуж и родила сына, который прожил недолго. Ей было 56 лет, когда она вышла замуж вторично, за Османа Ласуриа, и воспитала его сына, Тартука, с самых, как говорится, пеленок. Тартуку сейчас 72-й год, он живет вместе с Хьфаф. В этом же доме живет один из ее внуков — Константин, кутольский колхозник, и правнуки Отари и Сенда.

Когда в Кутоле организовался колхоз, Хьфаф было уже за девяносто лет. Она вошла в правление, стала первым «чайным» бригадиром и еще до войны ездила в Москву, на сельскохозяйственную выставку.

Хьфаф будет много говорить с Галей о работе. Это ее излюбленная тема. Работа, по-абхазски,— аусура. Отними у нее аусуру, например, зимой, когда поля отдыхают, а дома невестка и внучатая невестка не позволяют старой женщине взять в руки даже веник, и Хьфаф чахнет, вянет, превращается в самую настоящую прабабушку — нан-ду. А как только проходит зима, она снова оживает, торопится на свою плантацию, и движения у нее становятся быстрыми, молодыми. Хьфаф улыбается солнцу. Конечно, она улыбалась солнцу всегда. Обладая характером спокойным, незлобивым, она стойко переносила все жизненные невзгоды. Но теперешняя аусура нравится Хьфаф куда больше, чем прежняя. И, наверно, не только потому, что она дает больше материальных благ,— в этом году Хьфаф заработала на сборе чая 450 рублей и около 300 получит на трудодни — это помимо пенсии! — но и потому, что это работа вместе со всеми и для всех.

И еще одно считает Хьфаф очень важным в жизни: уметь желать. Желания у нее были всегда — иметь хорошего мужа, иметь хорошего сына, иметь в доме красивую железную кровать. Сейчас тоже есть такие же «домашние» желания: чтобы один внук окончил вечернюю школу, а другой чтоб вернулся из армии и поступил в институт, чтобы внучка закончила педагогический и стала хорошей учительницей... Но это не все. Желания Хьфаф сейчас простираются далеко за пределы дома, на весь Кутол.

Чтоб он, ее Кутол, был самым знаменитым колхозом во всей Абхазии.

...Чтоб весь чай — 800 тонн в год,— который дают кутольцы, был самым вкусным, так же как и кутольские табаки чтоб были самыми приятными для курильщиков, а кутольская базилика — самой ароматной для женщин, которые любят духи.

...Чтоб Кутол по-прежнему давал стране хороших поэтов, писателей и артистов. Ведь именно это селение — родина классика абхазской поэзии Иуа Когониа, классика абхазской прозы Ивана Папаскири, детской писательницы Гушки Папаскири, молодого драматурга Шота Чкадуа, народной артистки Грузинской республики Минадоры Зухбы и многих других деятелей литературы и искусства.

Хьфаф в свое время не удалось даже грамоте обучиться. Так пусть нынешние кутольцы восполнят этот ее пробел. Она этого страстно желает. Были маленькие желания, и маленькой казалась жизнь. Стали желания большими, и жизнь оказалась большой.

Мне кажется, что Галя все это поймет, если увидит Кутол и многих славных кутольцев, о которых здесь просто нет возможности рассказать, а главное, саму Хьфаф, Посеявшую Золото. Увидит, как люди, окружающие эту женщину, не дают ей стареть, поддерживая в ней неугасимый интерес к жизни. А она в ответ сеет среди них гордую уверенность в силе и красоте человека.

Тбилиси.

Вечерами Хьфаф Ласуриа любит послушать, как ее сын Тартук играет на пандури.

Фото С. Короткова.

звено — сдружила общая работа да заботливая, хорошая звеньевая.

— Позовешь одну — все идут, скажешь одной — все делают! — смеется Ольга Михайловна.

Собирает звено по шестьсот—семьсот и больше центнеров сахарной свеклы с гектара. За это наградила страна многих девчат и женщин, за это их звеньевой присвоено звание Героя Социалистического Труда. Вот уже второй раз народ оказал большую честь Ольге Пасеке из колхоза «Прогресс», избрав ее депутатом Верховного Совета СССР.

Гриша вырос, его не узнать — уже на четвертом курсе радиотехнического факультета политехнического института во Львове, мудреную науку изучает, о какой дед Михайло и не догадывался.

В доме Ольги Михайловны всегда гости — односельчане, избиратели. И все-таки, признаться, мы меньше всего ожидали увидеть в доме колхозницы скульптора. Луиза Штернштейн третий день как из Львова, третий день бьется над наброском скульптурного портрета знатной женщины. Работа ее осложняется тем, что Ольга Михайловна наотрез отказалась позировать: некогда!.. А лепить надо: скоро выставка, посвященная 25-летию воссоединения западноукраинских земель с Советской Украиной...

...Старенькая хата на околице села — она все еще стоит и как будто улыбается своими прищуренными, маленькими окнами, радуется окружающему миру. А рядом поднимается над сиреневыми зарослями новый дом Ольги Пасеки.

Честь тебе, старенькая хата! Счастья тебе, новый дом, счастья тебе и твоим хозяевам!

Львов.

И СВАДЬБУ, И ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Председатель колхоза «Советская Белоруссия» Владимир Леонтьевич Бедуля приехал в гравийный карьер. Кажется, ничего особенного: мало ли у нас карьеров и мало ли кто в них бывает! Просто колхоз строится.

За последние годы в нем выросли новые села, фермы, межколхозная птицефабрика, кормовой цех со сложными механизмами и полуавтоматическим управлением. Много интересного на центральной усадьбе. Дома здесь самые современные, со всеми удобствами.

Особенно гордятся колхозники Домом культуры. Долго искали проект такого дома. Побывали даже в Молдавии и Прибалтике, где, как известно, строить умеют. Но не нашли ничего подходящего. Наконец по просьбе колхозников брестский архитектор Л. В. Москалевич создал особый проект...

Здание из бетона и стекла уже поднялось под крышу. В просторном зале — большая сцена. Устанавливается широкоформатный экран. Фойе делается с таким расчетом, чтобы в общенародные праздники здесь смогли бы собраться до 350 колхозников на банкет. Тут же будут проводиться дружеские встречи с гостями, в том числе и с польскими соседями, которые часто приезжают сюда. При случае можно здесь будет устроить и свадьбу и день рождения нового гражданина. Очагом культуры и отдыха станет этот дом...

Кстати об отдыхе. Каждый год 40—50 колхозников бесплатно отправляются на курорты Кавказа и Крыма. Оплачивается им и проезд. Правление приобрело для экскурсий автобус.

Словом, новое властно входит в труд и быт села, раскинувшегося на западнобелорусской земле. Вот и сейчас: Владимир Леонтьевич приехал на карьер не просто посмотреть, как идет добыча гравия для строительства. Цель у него несколько иная. В колхозе есть обширное прудовое хозяйство, в котором разводится карп и карась. В старых карьерах живут окунь и щука, линь и плотва. Но рыба растет в них медленно. И вот решили осенью подсадить в них еще леща и язя. Это принесет хозяйству дополнительную прибыль. А в будущем году на карьерах откроется любительское рыболовство.

Н. РАШЕВСКИЙ

Брестская область.

Много приятных вестей приносит за последние годы почта в дом 103 по Шестой линии в Сусанино. Но я, кажется, доставил сюда самую волнующую. Я посвятил двух женщин в историю сада, заложенного на берегу Иртыша осенью двадцатого года.

И еще одна неожиданная встреча. Первым человеком, увидевшим в почине двух ленинградок зародыш большого дела, была Александра Васильевна Чучина из подмосковного дачного поселка Кратово. По ее плану и был разбит цветник в Сусанино. Мне захотелось повидать Чучину, рассказать о том, какие замечательные всходы дали семена, посланные на целину, рассказать об Урлютюбе, поездке Путинцева вместе с Шотманом к Ленину.

— Шотман? — переспросила Александра Васильевна.— Мир тесен! Александра Васильевича я прекрасно знала. Его и меня с мужем Февральская революция застала в нарымской ссылке...

Действительно, мир тесен. А. В. Чучина — член КПСС с 1905 года. Педагог по образованию, после Октября семнадцатого года она создала первые детские сады для детей рабочих сундженских и анжерских копей в Сибири.

...Недавно я получил письмо из Урлютюба. Василий Георгиевич Заводских рассказывает о богатом урожае, который собрали его земляки с полей совхоза «Прииртышский», о том, какое там идет большое строительство. Уже прокладывается новая воздушная электропроводка от высоковольтной линии. И когда придет нынешний праздник Октября, ярким светом загорятся электролампы в новых домах Урлютюба.

Пишет Василий Георгиевич и о приготовлениях к осенним посадкам в парке имени Ленина. Семена идут и идут. Бандероль за бандеролью... Посылка за посылкой...

Таков он — памятник Ленину в Урлютюбе, заложенный при жизни Ильича казаком Ильей Даниловичем Путинцевым.

Галя Платова.

Почему столько фотографий посвящено этой девушке с московской окраины? Кто она, что она делает?..

Галя Платова. Восемнадцати лет. Окончила восемь классов. Мечтала пойти по медицинской линии. В медучилище занималась без троек. Но пошла на практику, попала на операцию, и ей стало не по себе... Старшая сестра Гали работала на трикотажной фабрике, на «Красной заре». «Идем,— говорит сестра,— к нам. Новый цех, народу не хватает, зарплата — до восьмидесяти рублей. На синтетику перешли работать». И сманила...

Вот и вся Галина история. Ни романтики, ни порыва, ни призвания. И все-таки мы хотим рассказать о Гале Платовой.

На «Красной заре» рассудили: надо, чтобы из таких вот, как Платова, вовсе не героических Галин, вышли хорошие и умелые работницы. От этого — радость для всех. И хотя ни один человек на фабрике не может пока сказать, станет ли Галя со временем новой фабричной Кормышевой или Новоселовой, которые тоже были рядовыми работницами, а стали инженерами, но встретили новенькую в бригаде очень сердечно — пришла она туда первый раз с представителем общественного отдела кадров и... с мамой, да с мамой. А вскоре закатили торжество по случаю первой получки — этого первого признания самостоятельности!

Несложная церемония протекала так. Галя подошла к стопке денег, разложенных на столе, расписалась в ведомости и отсчитала сама себе (здесь деньги не выдают, здесь их разбирают) первые заработанные деньги. Ей дарили цветы. Ее целовали.

Первая получка, конечно, небольшая. И все-таки Галя купила рубашку отцу, сумку матери. Часть денег внесла в семейный бюджет. Последний взнос, конечно, символический, потому что уже на другой день у мамы были спрошены деньги на кино, и не на один билет, а на два, так как у Галиной подруги Люды Буйволовой еще не было первой получки.

И если фабрика, цех, бригада так щедро и, видимо, не напрасно авансируют вниманием тех, кто только начинает выходить в люди, почему бы этого не сделать и нам. Так появился рассказ о девушке, которая еще ничем не отличилась, каких в нашей стране тысячи.

Евдокия Ивановна Царева будет учить Галю. А учиться еще три месяца.

Свои, трудовые.

Б. ПОЛЫНИН

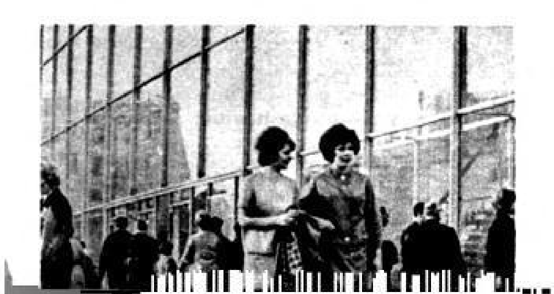
Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Первая получка

Уравнение со многими неизвестными: надо уметь потратить получку...

В июне пока на Галины деньги...

ВРЕМЕНЕМ И
СБЕРЕ

К. ЧЕРЕВКОВ,
собственный корреспондент
«Огонька»

Советские люди бережно собирают все, что связано с Октябрем семнадцатого года. Сокровища особняка на Петроградской стороне в Ленинграде непрерывно пополняются. Интересны истории поисков многих реликвий, их путь на выставочные стенды.

...В углу мемориального зала Музея Великой Октябрьской социалистической революции алеет широкое, шитое золотом красное полотнище. Оно появилось здесь недавно. Последний раз этот стяг Петербургской партийной организации видели на июльской демонстрации семнадцатого года. Долгое время шли поиски. Розыски привели в Москву. Там живет Нина Аркадьевна Танхилевич-Богословская, работавшая в Петербургском комитете техническим секретарем. Вот что она сообщила в музей:

«Долгое время у нас не было знамени. На демонстрацию ходили с самодельными плакатами, написанными от руки. И вдруг мысль: нужно хорошее знамя. Но где достать шелк? Сколько ни старались, ничего не могли найти. Помог нам неутомимый, успевающий обо всем позаботиться Николай Ильич Подвойский.

— Эх вы, девушки! Посмотрите, что получится, если за это дело возьмется мужчина! — шутил он.

И в самом деле, на следующий день он привел золотошвейку, которая обычно расшивала придворные костюмы».

Однако Танхилевич не смогла точно описать знамя. Научные сотрудники решили найти какие-нибудь следы на фотографиях. Наконец нашли снимок, на котором запечатлено знамя, очень похожее на то, что было описано Танхилевич. Фото послали в Москву. Вскоре оттуда пришел ответ. Старые большевички Н. А. Танхилевич, М. Л. Сулимова, М. В. Фофанова, С. И. Шульга категорически заявили: «Нет, это не оно!»

Тогда стали разыскивать ветеранов, которые лично знали Николая Ильича Подвойского. Выяснилось, что пенсионер Георгий Васильевич Кундасов до революции работал вместе с Подвойским в больничной кассе Путиловского завода. И не только работал, но и встречался с Николаем Ильичом на квартире золотошвейки Марии Севастьяновны Александровой.

Старший научный сотрудник музея Л. Я. Григорьева помчалась к М. С. Александровой. В квартире ее встретила дочь вышивальщицы — Анна Александровна. Она помнит, как мать кропотливо расшивала атласное полотнище. И не только помнит все подробности, но и сохранила моток тех ниток.

И вот еще весточка из Москвы, от Танхилевич. «Это был первый легальный большевистский стяг. Выглядел он роскошно. На одной стороне его вышито печатными буквами «Петербургский комитет Р.С.Д.Р.П.(б)», на другой прописными — «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». На листке бумаги старая революционерка набросала рисунок знамени.

Самым трудным оказалось выполнить этот рисунок вручную. Ныне полотнища для знамен ткут и вышивают машины. Нелегко было отыскать мастерицу. И все же ее нашли в Ленинградском отделении художественных фондов РСФСР. То была Милица Васильевна Румянцева.

Стяг петроградских большевиков на днях занял свое почетное место в музее, в том самом зале, с балкона которого в апреле семнадцатого года выступал Владимир Ильич Ленин.

...А вот еще один экспонат. Посетительница, уже немолодая женщина, бережно положила на стол сотрудника музея довольно тяжелый пакет. В нем оказались два орудийных снаряда.

— Это с «Авроры»!

— С «Авроры»?

— Да, я берегла их со дня штурма Зимнего.

Рассказ старой большевички Александры Станиславовны Ксенофонтовой об удивительной истории снарядов с легендарного крейсера дополнили фотографии и документы, которые она с собой принесла.

Работница с Трубочного завода в рядах красногвардейского отряда Васильевского острова штурмовала Зимний. На рассвете красногвардейцы возвращались домой. По набережной Невы шла девушка, перепоясанная патронташами, с винтовкой в руке и гранатой за поясом. Она услышала чей-то озорной голос. «Ишь, как вооружена! На целый взвод хватит!»

Александра Ксенофонтова обернулась. За ней, улыбаясь, шагали двое матросов-авроровцев.

— С победой, красавица!

Остановились. Познакомились.

— Патроны не все израсходовала? Может, на память подаришь?

Девушка вынула два патрона и подала морякам.

— Скуповата.

— Пригодятся еще.

— И то верно.

Матросы проводили Александру Ксенофонтову до ее дома на одной из линий Васильевского острова.

А через час в квартиру ее постучались. На пороге стояли, улыбаясь, авроровцы.

— Ответный подарок — от моряков.

Растерянная работница-красногвардейка приняла из рук своих новых друзей снаряды «Авроры».

Более четырех десятилетий не расставалась Александра Станиславовна с дорогим сувениром. Его историю знали друзья и товарищи по работе, их показывал своим одноклассникам сынишка. Когда пришлось эвакуироваться из осажденного города на Урал, она без колебаний освободила место для них в чемодане...

И вот они в музее под стеклом, небольшие снаряды 37-миллиметровой пушки с крейсера «Аврора».

...Эту листовку нельзя было отклеить, и ее экспонировали в музее с куском деревянного забора, стоявшего некогда на Петергофском проспекте за Нарвской заставой. На листовке список кандидатов в уездное земство, за которых большевики призывали голосовать. Среди семи — фамилия Петра Васильевича Дашкевича, подпоручика 3-го пехотного запасного полка, члена Военно-Революционного комитета, парламентера, ходившего в Зимний накануне штурма.

— Это был интересный человек, — рассказывает старший научный сотрудник Лидия Яковлевна Григорьева. — Сын петергофского слесаря, сумевший окончить филологический факультет Петербургского университета, он вступил в партию в 1919 году. После Февральской революции солдаты избрали его командиром полка. Он один из руководителей военной организации большевиков, член исполкома Петроградского Совета и первого состава ЦИК. Участник гражданской войны, партийный и хозяйственный работник, советский представитель за границей, он стал жертвой культа личности.

Недавно его брат, коммунист с семнадцатого года, Леонид Васильевич Дашкевич, передал музею случайно сохранившийся блокнот с отрывными листками. На них — записи, сделанные Петром Дашкевичем.

«...К Зимнему дворцу мы уже никого не пропускаем: едущих из дворца задерживаем, проверяем документы. Обыватель, предчувствуя грозу, попрятался в домах. Гулко раздаются шаги наших патрульных по пустынной Миллионной. Проверяем документы, но решительных инструкций об аресте пока не имеется. Действуем применительно к обстоятельствам.

Чу!.. Вдали автомобильный гудок. Катит к нам по Миллионной от дворца какая-то птица в машине. Мои павловцы преграждают дорогу. Машина останавливается. Открываю дверцу. Высокая плотная фигура. Старческий голос: «Кто смеет останавливать меня? Кто вы такие? Я министр Прокопович».

— Именем Военно-Революционного комитета вы арестованы. Со мной вы отправитесь в Смольный.

— Это—насилие! Как вы смеете задерживать министра Временного правительства! Министр — лицо неприкосновенное! — И прочие «громкие» слова неслись из уст забранного нами министра. Часовые садятся с министром. Я сам — рядом с шофером. Приказываю ему ехать в Смольный. Шофер повинуется. Проносимся по пустынной набережной, по Шпалерной и к Смольному — штабу восстания. Нижний коридор гудит вооруженными солдатами, красногвардейцами...

Арестованного министра с солдатами оставляю в коридоре, сам устремляюсь в помещение ЦК. Идет беспрерывное совещание. Делегаты, представители районов, заводов, фабрик, воинских частей входят и выходят, их спрашивают, инструктируют. Идет лихорадочная мобилизация сил. Влетаю в комнату... Кричу: привез арестованного Прокоповича. Хоть и не велика птица, но все же министр правительства Керенского.

Со всех сторон сыплются шутки, восклицания, смех... Владимир Ильич говорит с усмешкой:

— Ну вот и начали... А что нам с ним делать? Куда нам его?

Я было смутился, начал оправдываться: дескать, нет никаких инструкций. Применительно к обстоятельствам и арестовал первого министра, попавшего в расположение наших патрулей. Все смеются, все ждут, что скажет товарищ Ленин.

— А и впрямь, товарищи, что делать нам с этим министром? Ведь нам еще некуда его девать!.. Пусть едет себе пока домой спать. Освободите его!

Мне стало жаль своего рвения, но ничего не сделаешь: сказано

ЛЮДЬМИ ...ЖЕННЫЕ

освободить. В коридоре приказываю солдатам-павловцам отпустить Прокоповича. А он мне ехидно говорит: «Ну что, не смеете арестовывать министров!» А окружающие спешат мне на выручку и насмешливо ему кричат:

— Да просто девать вас еще некуда, вот и выпускают... А то уж посадили бы крепко-накрепко...

Министр быстро исчез из Смольного».

Очень интересно описывает Дашкевич, как по поручению Владимира Ильича недели через две после Октябрьского переворота он знакомился с работой двух советских наркоматов — внутренних и иностранных дел.

«...Небольшой, хорошо обставленный кабинет строго официального тона. Весь освещен, но пустой. Полуприкрытая дверь в соседнюю комнату. Слышен шелест бумаг, отрывистые голоса. Направляюсь туда. Широко открываю дверь. Комната сейфов, стальных шкафов, значит, святая святых дипломатических тайн. Шкафы раскрыты. Их много, связка ключей валяется на полу... Груда папок тут же на полу, разбросанных в беспорядке по ковру. Две фигуры на корточках с увлечением перебирают, перелистывают быстро-быстро груду бумаг. Живописная картина. В кожаной куртке — секретарь Наркоминдела и балтийский матрос копаются в дипломатических бумагах... Молчание. Наши советские дипломаты меня не замечают.

— Что вы тут делаете, товарищи?

Оба смотрят на меня. Узнали, улыбаются.

— Что мы делаем? Раскрываем дипломатические тайны! — решительно заявляет матрос.

Мы хохочем. Действительно, живописная картина. Большевики добрались до дипломатических тайн, а балтийский матрос раскрывает тайны по части международного обмана и грабежа.

Возвращаюсь в Смольный, рассказываю Владимиру Ильичу о виденном. Он подробно расспрашивает о наркоматской обстановке. Неудержимо смеется Владимир Ильич при рассказе, как большевики открывают дипломатические тайны.

— Так вы говорите, балтийский матрос раскрывает царские тайны? — переспрашивает он.— Хорошо! Вот это великолепный урок мировой буржуазии».

Не так уж часто в музей приходят люди, которые кладут перед изумленными хранителями его фондов орудийные снаряды с крейсера «Аврора». Но каждый год в его залах появляются материалы, которые проливают свет на, казалось бы, давно известные факты и события.

На стенде, посвященном Второму Всероссийскому съезду Советов, появились фотографии его делегатов: Анны Алексеевны Король (прежняя ее фамилия — Вилюмсон) и Алексея Сергеевича Ефимова. Король — член партии с 1912 года, приехала на съезд с мандатом Латвийского окружного Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Ефимов — член партии с 1904 года. Он делегирован Павлово-Посадским районным Советом. В Отечественную войну воевал на Ладоге. Король и Ефимов живут в Ленинграде, но отыскать их не так было просто.

Сейчас сотрудниками музея прослежена судьба 57 участников исторического заседания в Смольном. Среди них — Дмитрий Григорьевич Чавдаров. Вот его портрет и короткие записи, сделанные им в зале съезда. Солдат бесхитростно, скупыми фразами описывал обстановку, царившую в те часы в Смольном: «Комнаты и длинные коридоры заполнены народом. Многие отдыхают на полу. Почти все курят «козью ножку». Все ждут чего-то большого. Зал переполнен. Основная масса — солдаты, матросы в шинелях, куртках, с вещевыми мешками. Много рабочих. Сидеть мест нет. Стою. Недалеко от меня — иностранец. Один что-то пишет в маленькой книжке...»

В фондах музея — подробные воспоминания Чавдарова. Анализируя свои тогдашние записи, он приходит к выводу, что тот самый иностранец с записной книжкой был не кто иной, как Джон Рид.

Совсем недавно в экспозиции появились неизвестные до сих пор документы, датированные октябрем семнадцатого года: на листке блокнота приказ отряду красногвардейцев подтянуть свои силы к деревне Подгорное-Пулково. Внизу подпись: «Н-к обороны Петроградского района П. Дыбенко». Мандаты питерцев, разъехавшихся по стране с вестью о победе революции. Редчайший бюллетень, изданный ВРК, о ликвидации авантюры Керенского.

...Экспонаты продолжают поступать. А в залах музея можно встретить людей, которых узнают по фотографиям, выставленным здесь, имена которых и подписи — на документах, лежащих под стеклом.

Ленинград.

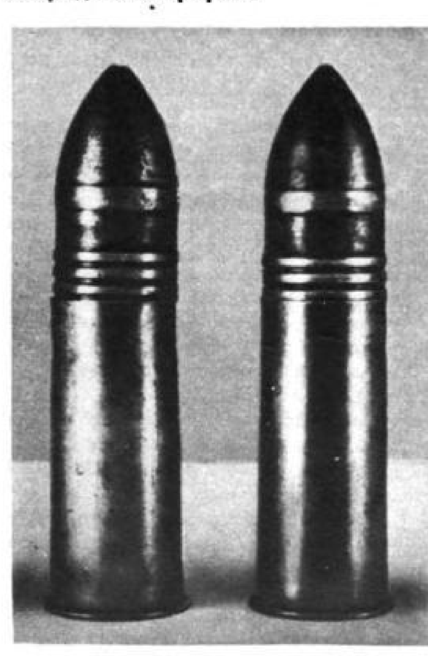

Возрожденное знамя Петербургского комитета.

Делегаты II Всероссийского съезда Советов в музее: А. А. Король, А. С. Ефимов.

Снаряды с «Авроры».

Петр Васильевич Дашкевич.

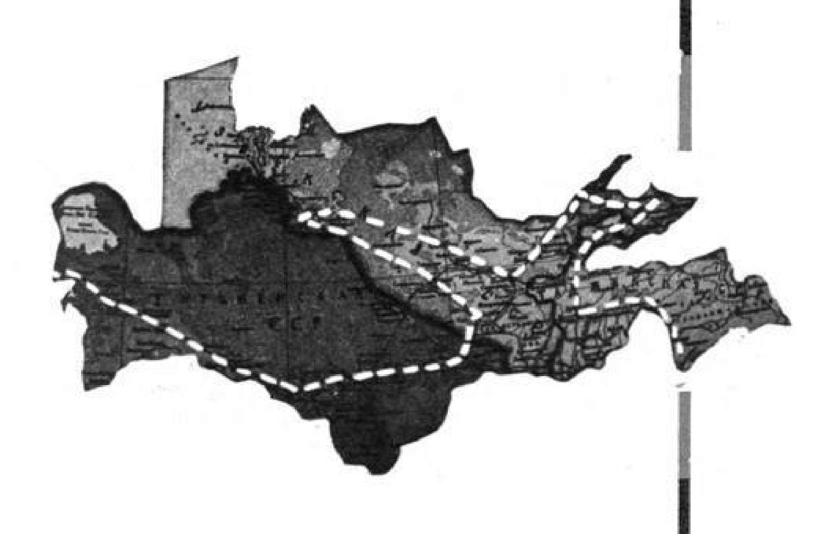

Дмитрий Григорьевич Чавдаров.

ТУРКМЕНСКОЙ ССР — 40 ЛЕТ

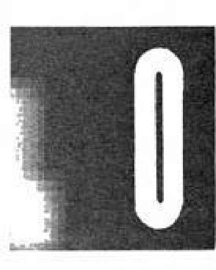
«ОГОНЕК» ПРОДОЛЖАЕТ ПУТЕШЕСТВИЕ ПО СЛЕДАМ ОДНОГО ЛЕНИНСКОГО ДЕКРЕТА. НАШИ КОРРЕСПОНДЕНТЫ, ПОБЫВАВШИЕ В ТАДЖИКИСТАНЕ И УЗБЕКИСТАНЕ, СЕГОДНЯ — НА ТУРКМЕНСКОЙ ЗЕМЛЕ...

Тачмурадов и другие

Ник. ШМЕЛЕВ

Фото Д. УХТОМСКОГО

Огонь выхватывает из темноты блестящие глаза, белые бороды, медным светом озаряет морщинистые лица. Неподвижны тельпеки, и неподвижны тела мужчин, застывших у костра. Тянет горьким дымом. Порыв ветра дергает пламя, и тогда на секунду вновь делаются видны горбатая тень верблюда, рваный полог юрты, куча тряпья у порога. Из юрты слышится детский плач, тихое позвякивание женских побрякушек. А здесь молчат и смотрят в огонь. Над головой — кривогорая туркменская луна. Оцепенение охватывает душу и тело, перед глазами только огонь и темень, а в голове — пустота.

Где я?

— Арнольд, свет! Начали!

Ночь загалдела, заметалась, изрезанная прожекторами. И все встало на свое место: век двадцатый, день сегодняшний, юрты невсамделишные. Каракумы настоящие. Известный туркменский режиссер Алты Карлиев снимает в песках фильм «Решающий шаг» — о недавнем прошлом своего народа. Это было первое и последнее мое знакомство с пустынной экзотикой, издали красочной, а по сути дела, дымной, драной и безобразной. Причина не в моей нерадивости или в моем нелюбопытстве: просто в таком виде она вообще больше не существует, а там, где еще замечаешь ее следы, через минуту перестаешь видеть, потому что их заносит плотный слой примет иного времени, иной жизни.

Республика отмечает свое сорокалетие. Тогда, сорок лет назад, движение в Туркмении во многих отношениях начиналось с нуля, с полного нуля, как бы сильно это ни звучало. Можно проследить результаты этого движения в экономике, в науке, в быте народа. Можно написать об этом. Но хотелось бы по мере сил попытаться избежать неизбежного — поверхностности.

За эти годы туркменский народ по своему развитию стал вровень с передовыми нациями. Этот скачок виден прежде всего в главном — в людях. Мне хочется рассказать о нескольких встречах с теми, кто, как мне кажется, составляет сейчас цвет Туркмении, ее будущее.

Без скидок «на бедность»

— Я прочитал. Верьте мне, отличная диссертация.— Оппонент с явным удовольствием пожал руку Нурмураду Тачмурадову. Разговор происходил в Москве лет десять назад.— Иногда, конечно, попадаются грамматические погрешности. Но это не важно. Это даже лучше. Вы их не исправляйте. Тогда никто не будет сомневаться, что вы ее сами сделали...

Оппонент говорил искренне и благожелательно. У него было большое имя в медицине, и ему действительно очень нравилась докторская диссертация хирурга Тачмурадова. Он хотел ему добра. И все-таки он больно, сам того не замечая, задел своего собеседника. Тачмурадов поблагодарил и в тот же вечер, взяв словарь, засел за исправление ошибок.

Неприятный осадок от разговора вскоре исчез. Тогда ему было чуть больше сорока. У него было достаточно жизненного опыта и достаточно веры в себя, чтобы в общем-то не обижаться на оппонента: что делать, если в чьих-то темных уголках сознания еще живет недоверие к способностям народа, недавно избавившегося от неграмотности. Все это могло изменить только время и только дело.

Он никогда не просил никаких скидок «на бедность». И, наверное, если бы оппонент знал, с кем имеет дело, он бы не допустил этих снисходительных интонаций. Легкости не было в судьбе Тачмурадова: жизнь всегда спрашивала с него по самому крупному счету. Мальчишкой он, крестьянский сын, оказался в гуще событий коллективизации; в тот период нередко приходилось браться и за винтовку. В Ташкентский мединститут он поступил, почти не зная русского языка, но курс сумел окончить с отличием. Войну Тачмурадов прошел всю от начала до конца как хирург медсанбата: тысячи операций, тысячи спасенных жизней и усталость, от которой, казалось, уже ничто не избавит.

Самое трудное было, однако, впереди. Все случилось тогда, когда вокруг было спокойно и жизнь текла уже по наезженной колее. В октябрьскую ночь 1948 года Ашхабад перестал существовать. Тачмурадов собственными руками откопал трупы троих своих детей и полуживую жену. После землетрясения наступил кризис: стал пить, минутами казалось, что все — сломался и подняться не хватит сил.

«Нет, воля все-таки была. Сказалась, наверное, военная закалка. Опомнился. Сжался, обозлился — назовите, как хотите, не в этом дело. Засел за кандидатскую, защитил и сразу, не размагничиваясь, не давая себе пощады,— за докторскую. Через три года подготовил и ее. Было непросто. Нет, работа как раз была интересной, шла легко. Было другое: приходилось ломать сопротивление пустоцветов от науки. Знаете, есть ведь такие — сами бесплодны и других стремятся подогнать под свой ранжир. Но труднее всего, пожалуй, ломать самого себя, свою усталость...»

Имя профессора, доктора наук, заведующего кафедрой общей хирургии Туркменского мединститута, депутата Верховного Совета СССР Нурмурада Тачмурадова пользуется уважением не только в Туркмении. Его научные труды известны среди специалистов, в городах и селах страны работают сотни хирургов — его учеников, сотни людей обязаны лично ему своим спасением. Восемь сотрудников кафедры под его руководством защитили диссертации. И в семье этого очень скромного и очень спокойного человека вновь утвердилось счастье — пятеро сыновей наполняют дом нескончаемым шумом и гвалтом.

Но если пришло спокойствие, то не пришло успокоение. Тачмурадов первым в республике стал делать операции на сердце. Кое-кто из друзей говорил: «Тебе что, больше всех надо? Тебе чего не хватает? Почет, уважение... Смотри, в один день все прахом пойдет...» Опять жизнь требовала от него полного напряжения всех душевных сил, требовала большой работы и большого риска. Он решался на это, и все-таки...

«— А вдруг зарежу?.. Мы год готовили операцию. Три месяца я учился у Бакулева. Потом все откладывал, откладывал. Боялся. А потом наступил момент, когда понял: больше нельзя откладывать. Или да, или нет. Вряд ли я когда-нибудь забуду тот день... А операция прошла удачно».

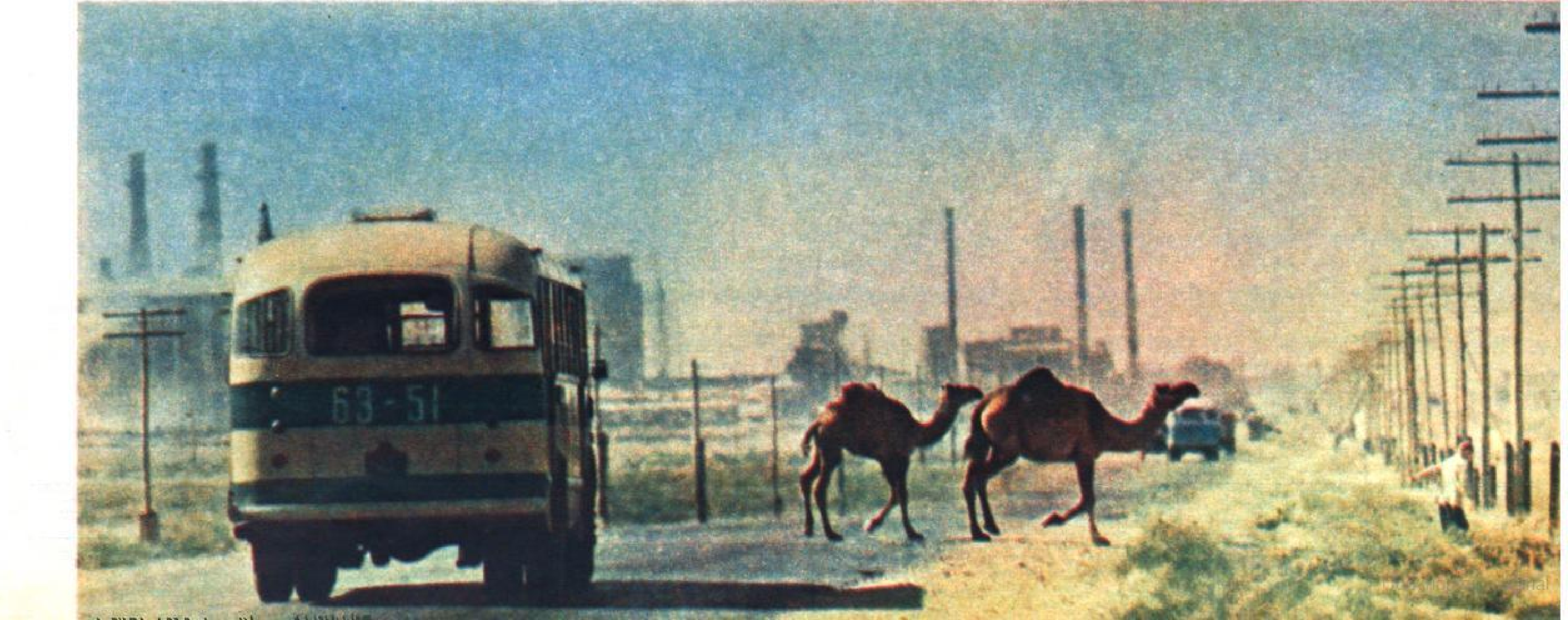
Сейчас, оглядываясь назад, Тачмурадов с признательностью и теплотой вспоминает тех, кто помог ему проложить путь в большую науку,— своих учителей, своих товарищей по работе: профес-

Небит-Даг. Утро на промысле.

Мастер добычи нефти Сапар Валиев.

На дорогах Туркмении.

Ашхабад, октябрь 1964 года...

Новый павильон мороженого «Льдинка».

Проблема воды разрешена. Автоматы на проспекте Свободы.

Академия наук Туркменской ССР.

Продажа книг на Русском базаре.

Новый кинотеатр «Космос».

Пустыня сдает позиции. Здесь, в самом сердце песков, найдена вода. Она пойдет по стальным трубам на промыслы и в новые дома нефтяников.

Каракумский канал подошел к полям колхоза «Совет Туркменистаны», и Эджебай Гельдыева стала овощеводом.

Каракум-река... Река, созданная человеком.

соров И. Чижова, И. Склярова, И. Березина, других. Многих из них уже нет в живых.

«Они помогали создавать первое поколение туркменской интеллигенции, к которому и я принадлежу. Сейчас в полную силу работает второе. Подрастает третье. Появились традиции, преемственность. Это ведь незаметная, адски трудная и не всегда благодарная работа — создание духовной элиты (не надо бояться этого слова), которая обогащала бы жизнь народа, вела бы его вперед. Судите сами: какую-то часть тех, кого удалось вырастить в Туркмении перед войной, уничтожил тридцать седьмой год. Еще часть — война: тогда большинство туркменской интеллигенции ушло на фронт, и кто знает, сколько из них не вернулось. И, наконец, страшное землетрясение. А ведь Ашхабад всегда был культурным центром республики. Вы представляете, сколько нужно было потратить усилий, чтобы возместить такой огромный ущерб?»

Справедливость его слов мне пришлось вновь оценить, когда меня познакомили с молодым доктором наук Гуль Карыевной Аннагельдыевой, бывшей ученицей Тачмурадова. Она недавно вернулась из поездки по республике. Поездка имела вполне определенную цель — отобрать как можно больше способных девушек для поступления в мединститут в этом году.

— Гуль Карыевна, почему именно девушек? Есть в этом какой-то особый смысл?

— Есть. В некоторых селах еще чувствуется влияние старых порядков: женщина ни за что не покажется мужчине-врачу...

— Хорошо, а зачем нужно специально ездить, приглашать, отбирать?

— Ну как же... Ведь есть такая русская пословица — под лежачий камень и вода не течет... Где надо — расшевелить, раскачать, где уговорить родителей, чтобы в город отпустили...

В этом, видимо, специфика нашего времени: молодая женщина, которая отнюдь не производит впечатления двужильной, говорит о тяжелой дополнительной работе, требующей бесконечного такта, внимания, терпения, как о чем-то само собой разумеющемся, о чем и говорить-то всерьез не стоит. Вот мыши, морские свинки — это другое дело: с ними намучаешься! Аннагельдыева — крупный специалист — патофизиолог, заведует кафедрой в мединституте. В ее лаборатории тихо, прохладно, мягко поблескивают длинные ряды пробирок. Пожилые лаборантки зовут ее совсем по-домашнему — «Гуль»: для них она все та же девочка, которая вчера еще, кажется, топталась у порога института.

— Ну что мне делать? — сердится фотокорреспондент. Он пришел снимать ее для журнала.— У вас слишком много гибкости, плавности. Нельзя же иметь такие мягкие движения! Мне ведь никто не поверит. Скажут: подстроил! Двиньте порезче локтем...

Ничего не выйдет. И шаблонного синего чулка из нее, сколько ни бейся, не выйдет. Милая, приветливая улыбка, добрый юмор...

Ашхабад — очень красивый город. Зеленый, нешумный, невысокий. Новый кинотеатр, магазин, кафе, на белой стене которого резко очерчен черный девичий профиль,— ничего больше, но мимо не пройдешь. Следов землетрясения не осталось. Но одно объяснить трудно: в городе нет обелиска в память погибших в ночь землетрясения. Почти в каждой семье это горе оставило неизгладимый след, и неужели тысячи людей, каждому из которых Ашхабад чем-то обязан, не достойны того, чтобы город сохранил о них память навечно? Думаю, этот вопрос можно задать даже в праздничный день...

Поиск, эксперимент и снова поиск

Сегодняшняя Туркмения — результат творчества людей десятков национальностей, которым некогда чужой край стал родным домом — для него не жалеют ни сил, ни времени, ни способностей. О роли русских врачей я уже говорил. Над возведением нового Ашхабада самозабвенно работает дагестанец Абдула Ахмедов — тридцатипятилетний главный архитектор города. Как-то так получилось, что жизнь его расписана чуть ли не на десятилетия вперед, от одного здания к другому: через пять лет город будет такой-то, а через десять — такой-то, и тогда здесь будет и то, и это, и другое, и тогда я буду строить то-то и то-то.

Особенно отчетливо помощь других народов страны в создании новой Туркмении заметна на строительстве Каракумского канала, призванного в будущем принципиально изменить весь облик республики: ее хозяйство, ее климат, ее быт и нравы, профессии и культурный уровень жителей. Сейчас канал протянулся на 800 километров от Аму-Дарьи до Ашхабада, бóльшая часть его — широкая судоходная река глубиной в 5—6 метров, которая в дальнейшем дойдет до западных границ Туркмении.

Сам по себе канал — редкой красоты зрелище: присмиревший песок, камыш, тихонько вздрагивающий от ветра, безмятежная гладь воды... Из-за барханов, почти из темноты, ползет утро. Сопит и ерзает в воде проснувшийся землесос...

Меня познакомили с Николаем Петровичем Власовым и Константином Евгеньевичем Церетели — оба играли первую скрипку на строительстве канала. Сейчас Власов — начальник СМУ на трассе канала, Церетели — главный инженер треста. Оба представлены к Ленинской премии. Они друзья и в то же время очень различны по складу характера и по методам работы.

Если я правильно понял, Власов — организатор, у которого четкость приказа в его шкале ценностей занимает ведущее место. Не берусь давать оценку достоинствам и недостаткам этого стиля. Одно ясно: если судить по результатам работы и тому уважению, с каким к нему относятся рабочие и инженеры, то вывод напрашивается только один: в руках настоящего человека такой метод — тоже безотказное оружие.

Церетели — человек иного склада. Прежде всего это талантливый инженер. Его идея о возможности отсыпки дамб канала всухую бульдозерами, предложенные им методы расширения русла и укрепления берегов сэкономили стране десятки миллионов рублей. Это неутомимый исследователь и изыскатель: за тридцать с лишним лет жизни в Туркмении он облазал все ее уголки. Нет в республике, наверное, оросительного или ирригационного сооружения, к которому он так или иначе не был бы причастен. И, наконец, Церетели — хозяйственник большой энергии и большой смелости. О его деловых способностях на канале рассказывают почти легенды. Если говорить о его хозяйственных экспериментах, имеющих и сейчас реальное практическое значение, то можно сделать вывод: разумная мера самостоятельности, разумная мера доверия к отдельному предприятию плюс талантливый человек во главе дела приводят к великолепным результатам. Церетели, например, на практике доказал, что рост средней зарплаты, подкрепленный продуманной системой стимулов, норм и ответственности, в итоге ведет к снижению общего фонда зарплаты, ускорению сроков работ, огромной экономии против сметной стоимости строительства. В своей небольшой практической лаборатории он делал то, что сейчас вызревает в масштабах всего народного хозяйства.

Некоторые считают Церетели чудаком: странные манеры, не пьет, не бранится, накрепко присох к этим проклятым пескам. На обыденный взгляд он действительно немного странен. Но это, видимо, потому, что не часто можно встретить человека, все существо которого так густо было бы сконцентрировано на чем-то одном и единственном. Для Церетели это одно заключено в слове «водичка»: водичка пошла, водичка есть, водички теперь хватит... Великое дело требует таких людей, и без них его осуществление невозможно.

Все это в Каракумах!

Старшее поколение строителей воспитало свою смену, в чьи руки оно со временем передаст завершение этого великого проекта: и на самом канале и на строительстве ирригационных сооружений работы хватит еще на десятилетия. Молодежь в полную меру перенимает неспокойную инженерную мысль отцов, их постоянное стремление освободить инициативу людей от всего, что ее сковывает, их фанатичную преданность одному делу и одной идее. И когда Джума Назаров, двадцатисемилетний инженер-гидротехник, говорит: «Я сознаю, что теперь моя жизнь навсегда связана с каналом. Я не боюсь этого слова «навсегда»,— он отдает себе реальный отчет в смысле и значении своих слов. Он убежден, что жизнь возложила на него личную ответственность за канал. Так оно и есть на самом деле.

...Стояла ночь. Вода в порту Ничка была такой же черной, как и в любом другом порту, и точно так же дрожали в воде одинокие портовые огни. Скрипел кран, играла гармошка на брандвахте, запоздавший буксирчик растерянно тыркался у причала, ища себе место. Ноги тонули в песке, и никак нельзя было прогнать неотвязную мысль: ведь и порт, и огни, и буксирчик — все это в Ка-ра-ку-мах!

Джума сказал: «Я помню, как у нас в колхозе дрались из-за воды. Бригада с бригадой. Когда говорили, что скоро будет канал, старики только качали головами: несерьезный народ, стыдно слушать взрослым мужчинам. Прорыли канал. Два старика сели на ишаков и за шестьдесят километров поехали смотреть. Обратно с собой привезли по пузырьку — боялись, что не поверят. Вскоре вода сама к ним пришла...»

Канал призван решить еще одну важнейшую задачу — дать воду бурно растущему промышленному Западу республики. Нефть, газ, большая химия стремительно меняют лицо Туркмении. На этой базе растет сейчас рабочий класс республики, происходят огромные социальные сдвиги в туркменском народе. Характерно в этом процессе то, что все, так или иначе связанное с нефтью и химией, с самого начала требует от человека достаточно высокого культурного уровня. Новое пополнение рабочих приходит, имея уже за плечами если не как правило, то зачастую среднее образование.

На одной из буровых в Уч-Тепе — новом газоносном районе Туркмении — помощниками бурильщика Ивана Миронова работают два паренька, Наил Бекдурдыев и Нургельды Атадурдыев. Оба окончили десятилетку, работают в бригаде недавно, работают старательно — бригада все время идет впереди плана. И хотя на словах Иван, опытный бурильщик, отзывается пока еще не особенно высоко о своей бригаде — вот годика три вместе поработаем, тогда это будет бригада! — он отлично понимает, что такие ребята на одной точке не замерзнут: через год-другой кончат курсы, сами встанут у тормоза, и тогда десятилетка станет базой, которая позволит достичь им действительно артистической квалификации.

Может быть, судьба их в дальнейшем сложится так же, как у их сверстника Сапара Валиева, мастера добычи нефти в Котур-Тепе, близ Небит-Дага. Начало его судьбы было нелегкое, нелегко и ее нынешнее продолжение, и, может быть, поэтому он в свои двадцать два года вызывает ощущение такой надежности.

Сапар в четыре года остался без отца — он умер от ран. Незачем говорить, насколько трудно было в те годы матери, не имевшей квалификации, вырастить сына и дочь и дать им образование. Дочь поступила в мединститут, Сапар окончил техникум. Работал на промысле оператором, помощником мастера. Сейчас учится в институте и работает мастером. Он тоже не из тех, кому нужна скидка «на бедность». Сапар сам от простейших операций прошел тот путь, который начальник их управления старый инженер-нефтяник Максим Илларионович Лобода заставляет пройти каждого молодого инженера, в том числе и собственного сына: встань простым рабочим у скважины, изучи болты-гайки, изучи капризы скважины — тогда пойдешь дальше.

...Не помню, где, кажется, в Красноводске, мне рассказали, что в царское время была инструкция: если преступник уйдет за Каспий, то есть в Туркмению, розыск его немедленно прекращать: считалось, что он сам себя обрек на худшую каторгу. Даже если это — преувеличение, все же оно достаточно точно характеризует прошлую репутацию этого края. Вряд ли нужно говорить, что с тех пор все в корне изменилось. Достигнуты феноменальные успехи. И все же Туркмения — это прежде всего республика огромных потенциальных возможностей, республика будущего. А самый ценный капитал, накопленный ею за сорок лет, гарантия ее будущего — ее люди.

ЧЕТВЕРО НА ГОЛОМ ОСТРОВЕ

ПОВЕСТЬ

ОК

СЕВИЧА.

А ЧЕТВЕРТАЯ

ока хватало, кончилась эко-
Обилие огня, жаркие ко-
которые любил сооружать
лав, располагали его к доб-
ию.
устоялся, вошел в колею.
того, перемена местожи-
а всегда радует и взрослых
андшафты, новые впечатле-

дни усиленно и с настрое-
в блокнот разную жив-

ность: то чилима поймает в водорослях после отлива — студенистого, усатого,— то багрового, будто из меди откованного окуня, то «малахольного» птенца.

Сделав из английской булавки крючок, Станислав отыскал в камнях такое место, где усиленно клевал окунь. Уха получалась отменная. Конечно, в нее бы каких-нибудь приправ, картошечки, лучку... Но после ча́ек окунь казался божьим даром.

Положа руку на сердце Станислав мог бы признаться, что в его жизни бывали и похуже времена. В довоенные годы, например, когда Станислав учился в медицинском институте (из которого ушел после третьего курса), чтобы прокормиться, он срисовывал для учебных пособий кости мертвецов. А платили за рисунки хорошо. У него выявились куда бо́льшие способности к рисунку, нежели к медицине. Но прежде чем поступить в Академию художеств, года два он «убил» на биологию.

Было бы неблагодарным занятием устанавливать в точности профессию Станислава: он умел многое, получил несколько дипломов, пригодился бы на лесотехнической станции, среди биологов мог сойти за своего. Его знали как художника-анималиста и тонкого знатока природы. Кажется, он был членом каких-то редакционных советов, входил в состав авторитетных комиссий, давал консультации и заключения в ведомственных издательствах, комментировал спортивные состязания. Изредка выпускал альбомы своих рисунков: зарабатывал этим на жизнь и очередные поездки.

В общем, Станислав считал себя человеком свободной профессии. Что же касается его взглядов, то о них приходилось судить по тому, как он вел себя в том или ином случае. А вел он себя иногда хорошо, иногда не очень.

Шел двадцатый день пребывания на острове, а то и двадцать первый, либо двадцать второй. Они пока даже помнили каждый из этих дней в лицо по особым приметам, разговорам, случаям...

Был редкий по красоте вечер. Облачный подбой все больше пронизывался месяцем, нежным, светящимся сочной персиковой желтизной.

Пламень заката соперничал в буйстве с пламенем костра, в котором сыто шкворчала крашеная корабельная обшивка, низко гудели тяжелые мачты потерпевших крушение шхун, сердито потрескивали пустотелые бамбуковые палки.

Витька и Егорчик от этого дыма не могли усидеть на месте, бегали то туда, то сюда, но он доставал их везде. Шеф тоже досадливо щурился, отворачивал голову. Он подпекал на вертеле рыбу — последнего окуня, пойманного сегодня Станиславом. Последнего потому, что ни у кого уже не оставалось булавок для крючков.

А Станислав сидел на бочонке почти не шевелясь. Сбоку на этом бочонке он выцарапал гвоздем свое имя. Это было его персональное кресло. Он сам прикатил бочку из-за рифа и не любил, когда кто-либо на нее садился. И правда, ведь каждый мог подыскать себе что-нибудь для сидения. Каких только штучек здесь не выбрасывает море!

Станислав старался быть гармонически развитой личностью и немало в этом преуспел. Правда, он не тянулся душой к многодумным, в строгих переплетах, без золота, трудам философов, не забивал себе голову тайнами бытия. Зачем? Так или иначе все кончается распадом и тлением. Для человека—анатомичкой. Куда приятнее послушать на досуге Эллинг-

. «Огонек» №№ 43, 44.

тона. «Роялблюзгарден», а? Вот это джаз! Это не какая-нибудь профанация, громыхающая, аритмичная подделка. Здесь об этом и потолковать не с кем. Разве с Витькой по старой памяти, но паренек от него все больше отдалялся, что, между прочим, и беспокоило Станислава и как-то раздражало.

Витьке, очевидно, более подходили житейские установки шефа: его тугодумные, далеко не блистательные высказывания, далеко не эффектные, если глядеть со стороны, поступки. Но если шеф и отнимал у него Витьку, то отнимал не открыто, не явно, а завоевывал исподволь, грубо говоря, потихоньку «капал на мозги». С влиянием шефа невозможно было бороться, потому что в такой борьбе у Станислава всегда оказывались открытыми карты: он мог рассчитывать только на притягательность своей пестрой биографии, на громкость своего имени, на выигрышность своих действий хотя бы здесь, на острове, и в конце концов — на личное обаяние.

Черт побери, уж шеф-то наверняка обаянием похвастать не мог. Взять его крупное, тяжелое лицо... Этот чрезмерно высокий лоб, остроклювый нос, тонкие, жесткие губы, блеклый цвет кожи, чуть подрумяненной загаром! Ну и физиономия! Зато торс... (Станислав смотрел на шефа, как на редкостную модель для скульптора.)

И тут Станислав пришел к неожиданному выводу, что шеф — настоящий мужчина, что таких любят, должны любить женщины.

При этом шеф, похоже, целомудрен. Он както признался, что думал, будто его наружность должна отталкивать женщин. Он был поражен, когда убедился в обратном.

Станислав же был красив по всем статьям. Хотя кочевая жизнь высушила и огрубила его черты, придала им жесткость, он не мог пожаловаться на невнимание женщин. О, скорее наоборот! Но оставался почему-то недоволен собой. И почему-то завидовал сейчас шефу. Даже его внешности.

Говорят, жена изменяла шефу. Он ей прощал, а многого попросту не мог даже знать, так как иногда целые годы проводил в тайге. Попробуй тут сохрани верность мужу!

В конце концов они расстались.

В отношениях с женщинами Станислав придерживался нехитрых правил: главное, оставлять за кормой чистую воду; главное, чтобы не было детей. Он уклонялся от подлости точно так же, как можно уклоняться от уплаты алиментов. Он умел вовремя прервать связь с женщиной, особенно не распространяясь о мотивах подобного решения. Он искренне полагал, что поступает честно.

Станислав не совершил за всю свою жизнь поступка, который заставлял бы его впоследствии краснеть, не попадал в плен или окружение, потому что не то чтобы сознательно увиливал от фронта, а всего только не торопился туда попасть. Если ему говорили, что он нужен в Алма-Ате как тренер в военной школе, он соглашался. Раз нужен, значит, нужен. Родина знает, кому какой пост доверить. Только в финскую кампанию Станислав вроде бы изъявил желание поступить в лыжный батальон, но по каким-то причинам, как он сейчас считал, благоприятным, оформление его документов затянулось.

Может, он напрасно об этом разоткровенничался (а о чем еще толковать длинными, нудными вечерами, как не о жизни, как не об испытаниях, через которые прошел?!), напрасно потому, что его исповедь не понравилась Витьке. Парень надулся и весь вечер молчал. А, плевать! Ну что ему в конечном счете Витька? Он взял его с собою в поездку, так сказать, «для масштаба», не из корысти — какая тут корысть! — из одних только добрососедских чувств. Он мог взять кого-нибудь другого, но взял Витьку. Если же парень этого не ценит, то и пусть пеняет на себя. Пусть живет в таком случае своим умом, если сумеет.

Станислава знали в Москве как парня «экстра-класса». Но тут он почувствовал: случилось непривычное, на сей раз о нем ч т о - т о з н а ю т, противоречащее установившейся характеристике его личности, его если не р а с к у с и л и, то могут раскусить. Впрочем, чего раскусывать-то? Он жил не таясь, здесь он тоже вполне на виду. Он никому не сделал зла и никого не обманул. Порядочность прежде всего. Может, он как-нибудь соберется и «под настроение» даст Егорчику по морде: этот тунеядец и мямля основательно действует на его самочувствие,— но он даст Егорчику по морде во имя той же порядочности.

Станислав встрепенулся: огнем ему опалило ресницы. Дремлется, что ли? Но от сна уже и так бесконечно болят бока.

В палатке кто-то изо всех сил стучал.

— Миша гвозди на своем ложе вколачивает. С утра понатаскал мокрых досок, а сейчас лег — и гвозди под боком вылезли,— сказал Витька, усмехаясь.

— Вот дубина! — пробормотал Станислав.— Ведь эти доски из прибоя, они месяц под ним будут сохнуть.

О своем «ложе» Станислав не беспокоился: он стелил под спальный мешок два листа розового поролона. Синтетика надежно изолировала его от воздействия, так сказать, факторов внешней среды. На сей счет он еще ни разу не оплошал: здоровье нужно беречь. Он не стеснялся заявить где надо свои права на лучшее место под солнцем, считая, что имеет для того все основания.

На биваках он обычно уточнял, не ожидая возражений:

— Вы как хотите, а я располагаюсь в углу.

Ему действительно не возражали. Он ловчее всех, даже ловчее шефа, ставил палатку, быстрее разжигал огонь, безошибочней мог угадать дорогу в тумане.

Он привык поучать. Слава умельца немало этому способствовала. Не сморгнув глазом, он мог упрекнуть товарища в недостатках, какими в изобилии обладал сам. Перечить ему как-то не поворачивался язык.

Только совсем недавно шеф деликатно его упрекнул за привычку подписывать бочки, ложки, чашки своим именем.

— Вы, мягко говоря, индивидуалист,— сказал шеф рассеянно.

Станислав даже побледнел от неожиданности. Когда в день перехода через остров шеф обозвал его и Витьку крохоборами, то была добродушная шутка. Сейчас шеф говорил всерьез.

— Я никогда не был индивидуалистом! — отчетливо сказал Станислав, в котором до глубины души возмутился парень «экстра-класса».— Но я терпеть не могу паршивых вонючек-моралистов, которые свою собственную нерасторопность, неорганизованность и лень любят прикрывать высокими словами из области нравственно-этических категорий! Коллектив, общее!.. Но смотрят на это о б щ е е, как на дойную корову: молоко пьют все, а корм добывать не хочет никто. Вот как у этого огня: греются все, а бревна таскать охотников мало.

Тут он вспомнил о Витьке, который с риском для жизни пригнал однажды бревно для костра по воде, но отступать было поздно.

— Ну, положим,— сухо сказал шеф, как будто даже соглашаясь со Станиславом.— Положим, бывает по-вашему. В коллективе не боги, кто-то и согрешит. Похоже, что для вас коллектив—только условность, при которой возможно сосуществование одиночек, а стало быть, возможно процветание махрового индивидуализма. Но коллектив не союз одиночек, хотя он предполагает и поощряет развитие индивидуальностей. Коллектив — это прежде всего о б я з а н н о с т ь. А индивидуалист в первую голову обязанностей как раз и не терпит. Огонь, говорите вы?.. Ну что же, вам нравится огонь, и вы требуете от коллектива, чтобы все его члены таскали в костер дрова. Забывая о том, что кто-то сварил для вас еду. А кто-то уступил свою койку на шхуне. А кто-то перенокил в трудном переходе часть вашей аппаратуры в свой рюкзак. Коллектив — это не то, что вам хочется, а что необходимо для всех. Но если вы даете коллективу больше, чем способны дать другие, это вам зачтется.

Станислав сказал устало и разочарованно:

— Прописные истины. Я вам могу наговорить всякого такого с три короба, извольте только слушать.

— Как вам будет угодно,— спокойно сказал шеф.— Вы меня вынудили к такому разговору.

Станиславу не понравилось, что он думает обо всем этом со злостью. Не надо. Нервы стоит поберечь. Нервы еще пригодятся. Мало ли что еще может стрястись с ним в этой жизни, далеко не новой!

Егорчик, произносивший по своей инициативе не больше фразы в день, перед отходом ко сну решил выполнить установленную норму.

— Дома ждет молодая жена? — угрюмо, хотя и не без потуг на юмор, полюбопытствовал он.

— Н-ну! Спрашиваешь! — засмеялся Станислав.— Дома ждет Мессалина, будь здоров! Но я прощаю женщине минутные слабости, если она жена. Любовницам не прощаю.— Он увидел в руках у Витьки спортивный иллюстрированный журнал.— Знакомая мордашка! Между прочим, эту биологиню, вот, на обложке, я ее... понимаете?.. Правда, ничего девка?

Егорчик потянулся за журналом и некоторое время смотрел на портрет, медленно что-то пережевывая. Он не рискнул высказаться вслух. Да и понятно: он говорил не больше фразы в день, если его не принуждали к разговору.

Витька что-то рисовал прутиком на выровненной площадке из золы. Лица его Станислав не видел. Он подумал, как всегда, задним числом, что, может быть, и э т о г о при нем не нужно было говорить.

«А, черт! Пусть привыкает. Пусть привыкает быть мужчиной»,— отмахнулся он с вдруг возникшей досадой.

Шеф хмурился. На его щеках буграми набухли желваки.

Станислав закрыл глаза. Шеф — это, конечно, не Витька. Общаться с шефом становилось все труднее. Ощущение его превосходства было болезненным. Если бы узнать секрет, в чем оно заключается, превосходство. В чем секрет душевного сплава, который позволяет шефу быть всегда таким невозмутимо-спокойным, и в то же время терпимым, и в то же время опасным, особенно для него, Станислава?..

Ах, все это мнительность, мнительность! Стараясь заглушить неприятный осадок внутри, он повернулся к Витьке и продолжал говорить не то всерьез, не то дурачась, немного уже паясничая, а может, и намеренно играя с огнем:

— Послушай, Виктор, учись, брат, житейским вещам: никогда не целуй некрасивую девушку, мой тебе чистосердечный совет.

— Почему? — бесстрастно спросил Витька, но голос у него все же чуть-чуть дрогнул.

— Потому что ей это лестно, понимаешь ли ты, когда ее целуют. И она обязательно всем встречным-поперечным разболтает. Уж это как пить дать.

— Спасибо, я учту,— все так же бесстрастно пообещал Витька.

Станиславу и вовсе не понравилось, что он так нарочито серьезно принял этот его дурацкий совет. Станиславу вообще ничего сегодня не нравилось.

— Пойти спать, что ли? — сказал он, но ответом ему было молчание.

Закинув ногу на ногу и обхватив колено, он полегоньку раскачался вместе с бочкой, что-то про себя мыча. Наверное, стихи, потому что фраза за фразой начали выклевываться из этого мычания законченные строфы, сперва глуховатые, а потом уже напряженные, густые, как звон откованной меди. У Станислава неожиданно обнаружилась впечатляющая дикция:

Восходят сильные по лестнице годов,
На женщин не глядя, к ним протянувших руки,
Открывших груди им, не различая звуки,—
Желанья женского неутомимый зов.

— Я люблю стихи Верхарна,— сказал он с пробившейся в голосе стеснительностью,— люблю за их фламандскую медовую вязкость, они чем-то сродни живописи Рембрандта, Рубенса, Снейдерса, Ван-Дейка, и так тепла, бражиста, телесно ощутима их плоть!

— Стихи весомы, и вы точно о них сказали, вряд ли можно сказать лучше,— согласился шеф.

Тогда Станислав, не дав опомниться, прочитал что-то хилое, из так называемой п о с т е л ь н о й лирики, что-то мелкое, блеклое.

— Что за гадость вы читаете? — возмутился шеф.

— Я проверял ваш слух. Не столько слух, сколько вкус.

— Мне всегда казалось,— твердо проговорил шеф еще раз,— что подобные стихи может написать только человек, никогда не живший с женщиной, несбывшиеся вожделения которо-

го переросли в злобно-издевательское отношение к ней. Предупреждаю: на сей счет не следует испытывать мое терпение.

Первой реакцией Станислава было желание возмутиться, но он переборол себя и даже неожиданно захохотал. Его самого поразило, что захохотал он искренне, от души.

— Вы меня подсекли на корню, шеф,— сказал он сквозь смех.—Однако серьезно, не принимайте слишком близко к сердцу, не стоит... Стишата действительно скверные, они написаны одним новомодным поэтом, и у известного рода любителей ходят по рукам. Надо думать, что только по испорченности моей натуры они врезались мне в память.

— Смейтесь, смейтесь,— непримиримо проговорил шеф, уже держась за полог палатки.— Во всяком случае, смех освежает мозги, действует на них примерно так же, как умывание. Советую читать писателей, умеющих смеяться серьезно, Анатоля Франса, например... Можно О'Генри, но он, на мой взгляд, иногда излишне легковесен.

Шеф опять пришел в норму, может, ему теперь даже стало неловко из-за своей вспышки.

Но Станислав понимал, что нечаянно задел самое для него святое.

Удивительней всего, что и Станиславу сделалось легко, будто он сразу, одним махом, очистился от некой скверны, донимавшей его давно и мучительно.

— Ничего, малыш, ничего,— сказал он, примирительно похлопывая Витьку по плечу.— Можешь целовать некрасивых девушек. Я тебе даже советую. У них иной раз встречается нечто, чего не найдешь ни у какой писаной красавицы. И они умеют держать язык за зубами. Они умеют дорожить чувством. Может, у меня именно потому в семейном плане решительно не задалась жизнь, что я всегда гонялся за чем-то эфемерным, быстролетным, как жизнь мотылька-однодневки. Живи своим умом, малыш.

Как бы пропустив его слова мимо ушей, очень тихо и очень серьезно Витька спросил:

— Далеко ли отсюда до острова Рождества?

— На кой он тебе ляд?

— Может ли достигнуть сюда радиация?

— В принципе, вероятно. Ха! Плюнь... Возможность радиации — а она ничтожна — не худшее, что нас здесь может ожидать.

Он вдруг встрепенулся. Уже поднимаясь, ударом каблука вышиб из-под себя бочку.

Станислав воззрился на безмятежно и бесконечно что-то жевавшего Егорчика.

— Послушай, может, ты по-братски поделишься с нами тем, что так утомительно долго жуешь? Все-таки коллектив, как утверждает шеф, это сила, которая...

Он не успел передать своими словами тезисы шефа о силе коллектива.

Егорчик извлек из-за щеки кусок вязкой глянцевито-черной смолы.

— Это смола,— сказал он.— Тут много по берегу смолы, море выбрасывает. Она очищает зубы.

Станислав шел к палатке и недоуменно покачивал головой. За ним медленно плелся Витька.

ГЛАВА ПЯТАЯ

О том, что на острове есть лежбище сивучей, догадывались еще в старом лагере, хотя в справочной литературе оно не было отмечено. Вероятно, из-за малочисленности, или же морские львы облюбовали здешние места совсем недавно.

Как бы там ни было, а Витька, постоянно шныряя по острову, забираясь все дальше и дальше через холмистые отроги и ущелья, наконец достиг самых головокружительных скал побережья. Не стоило и помышлять спуститься здесь к морю: так безнадежно обрывались базальты, раздробленные в воде на множество кекуров [1], расплюснутые лепешками.

Вот на тех-то рифах, соединенных с берегом узкими перемычками (в пролив сюда захлестывала вода, и рифы становились островками), Витька обнаружил несколько сивучей-самцов и при них десятка два-три маленьких, с коротким лоснящимся мехом самочек.

От тоски по сытной, калорийной еде, по доброму куску печенки у него на минуту потемнело в глазах и обильно начала выделяться слюна.

Он сплюнул.

Просто сказать — сивучи! Они совсем рядом, но как спуститься? Базальт — порода крепкая, выветривается медленно, поэтому непропуски стоят гладкие, будто маслом смазанные — не уцепишься, не нащупаешь ногой расщелину... Нужна веревка! Окажись в лагере веревка, Витька никому не стал бы и говорить, что обнаружил лежбище. Стащил бы у Егорчика ружье, и готово.

В лагере, конечно, обрадовались найденному лежбищу. Но когда Станислав уяснил на месте незавидную позицию, с которой нужно было завоевывать сердце и печенку льва, он небрежно бросил:

— Лично мне это лежбище не очень-то нужно.

— М-да-а,— протянул шеф, критически прищурившись.— А нет ли возможности спуститься где-либо дальше по берегу?

— Спуститься можно,— сказал Станислав,— только там лежбища не окажется. А сюда вы не проникнете, вы же видите — непропуски!.. Эти львы в каменной клетке. Они соображали, какое место выбрать для уединения.

Несолоно хлебавши возвратились в лагерь, хотя еще долго каждый втихомолку строил планы проникновения к сивучам.

Витька, правда, никаких планов не строил. Он, если разобраться, запросто мог еще прожить и без сивучей. Он не какой-нибудь прожора вроде Егорчика — вот где ненасытный человек. А сам палец о палец не ударит, чтобы раздобыть какое-нибудь пропитание. Рассчитывает на чужую предприимчивость.

На всякий случай Витька задался целью обследовать весь берег, где можно, спускаясь вниз, а где нельзя, глядя сверху. Нужно разведать местность досконально, может, и обнаружится дополнительный резерв пропитания.

Особенно его радовало, когда удавалось спуститься к воде. Тут кипела жизнь. Верно говорил Станислав, что нужно только присмотреться.

Иногда он вспугивал уток-каменушек, сидевших на яйцах. Яиц, к сожалению, было мало; небрежно снесенные, они торчали где попало между зазубринами камней. Может, потому и утки назывались каменушками.

Витька яиц не трогал: разобьешь, а оно, может, уже насиженное, только испортишь. Лучше подождать, вот вылупятся каменушки, вот они подрастут... Все-таки мясо, да еще какое! Дичь.

Опасаясь соблазна, Витька старался обходить сидящих на яйцах каменушек, но утки так сливались с камнями, что иногда он едва не наступал на них. С шумом и фырком прядали они из-под ног, будто рядом взрывалась хлопушка.

Витька уже мог отличить серую чайку от морской, а кайру от гагары. В общем, Витька уже разбирался кое в чем, кое-какие накопились у него сведения о фауне и флоре на пустынных северных островах, и он вполне мог, громко говоря, ассистировать Станиславу, следовать за ним, как тень, во всех его вылазках в глубину острова и по берегам. Ведь Станислав не сидел все время у костра, как он ни обожал огонь. Он с толком проводил здесь время. Но у Витьки что-то уже не лежала душа с ним общаться.

Вот и нынче Станислав ушел куда-то чуть свет, даже чая не дождался. Хотя какой там чай — напьется дождевой воды в луже, и тот же самый будет эффект. Шеф экономит заварку железно.

Одному бродить даже лучше. Никто бесконечно не поучает: не туда пошел, не так сел, не то сделал.

...В тихой заводи между рифами Витька залюбовался узкими, как тесьма, водорослями, сплошь усыпанными бисером пузырьков и оттого радующими глаз, как ленты в жемчуге. Вот тут-то, под водорослями, и увидел Витька весло, окольцованное медью в том месте, где оно обычно вставляется в уключину. Весло лежало глубоко, хотя сразу могло показаться, что окунй руку — и достанешь. Да и зачем Витьке весло? Мало, что ли, такого хлама на берегу — если не весел, то обломков мачт, шлюпок, трюмных досок?.. Однако же вид оно имело довольно свежий, еще не замшело, не обросло ракушками. Он подумал, что, может, сейчас за поворотом, за тем мысом ему откроется что-то и поважней, позанимательней весла.

Он подумал так, просто шутки ради, но не ошибся.

То и дело ему стали попадаться останки судна, растерзанного и выброшенного сюда морем. Вот медный гребной вал, искореженно-ощеренный, как скелет ихтиозавра. Вот дуга расколотого рангоута. Вот вывороченные вместе с палубными досками книхты. Чуть дальше — спутанная в клубок громоздкая якорь-цепь. А вот и днище, на нем повсюду следы огня, оно обуглено, местами из пазов потоками вылилась и застыла смола.

Витьке стало зябко и неуютно. Может, где-то на другом пустынном острове точно такое же пристанище нашли останки их собственной шхуны. Наверное, не спаслись ни капитан Зыбайло, ни вреднюга чиф — старший помощник, который держал всегда отряд на жестком пайке. Не спасся никто, иначе уже давно прислали бы сюда за отрядом какую-нибудь посудину, давно уже сняли бы их с этого острова.

Он уже порядочно отошел от останков судна, по-видимому, рыболовной шхуны, когда внезапно из-под ноги у него выпрыгнула, как пинг-понговый мячик, прозрачно-пластмассовая диковина: то был пузатый уродец с непропорционально тонкими ножками и распухшей бритой головой. Бритой не сплошь — посередине торчало колечко и пучок волос. Вероятно, то был талисман, висевший или в рубке над смотровым стеклом, или — для успокоения души рыбака — под потолком в тесном кубрике.

Уродец придерживал коротколапыми ручками вздутое шаром пузо, щеки его тоже раздулись, а глаза тускнели плоско и округло, как монеты.

Присев, Витька долго изучал талисман, который, видно, не уберег бывших его хозяев от несчастной судьбы, и сунул находку в карман. Когда он поднялся, сразу дунувшим ветром туман разогнало, образовались в его цельной стене голубые окна, и Витька увидел впереди белую с черными нитями вант шхуну, издали, казалось, совершенно неповрежденную. Но стояла она с легким креном на рифах так далеко от воды, что даже приливной накат ее не достигал.

«Вот так-так,— испугался Витька, потому что в самом деле шхуна возникла, как привидение, такая призрачная, с такими будто карандашом отчеркнутыми линиями зловеще постанывающих вант.— Шхуна! В ней, должно быть, пробоина или еще что-нибудь такое. Неужели и люди есть? А что, если японцы?»

Это предположение и обрадовало его и еще больше напугало. Почем знать, как отнесутся к нему японцы. Между тем в оплывающем и как бы заклубившемся под ударами ветра тумане ему почудился человек, поспешно обогнувший мыс.

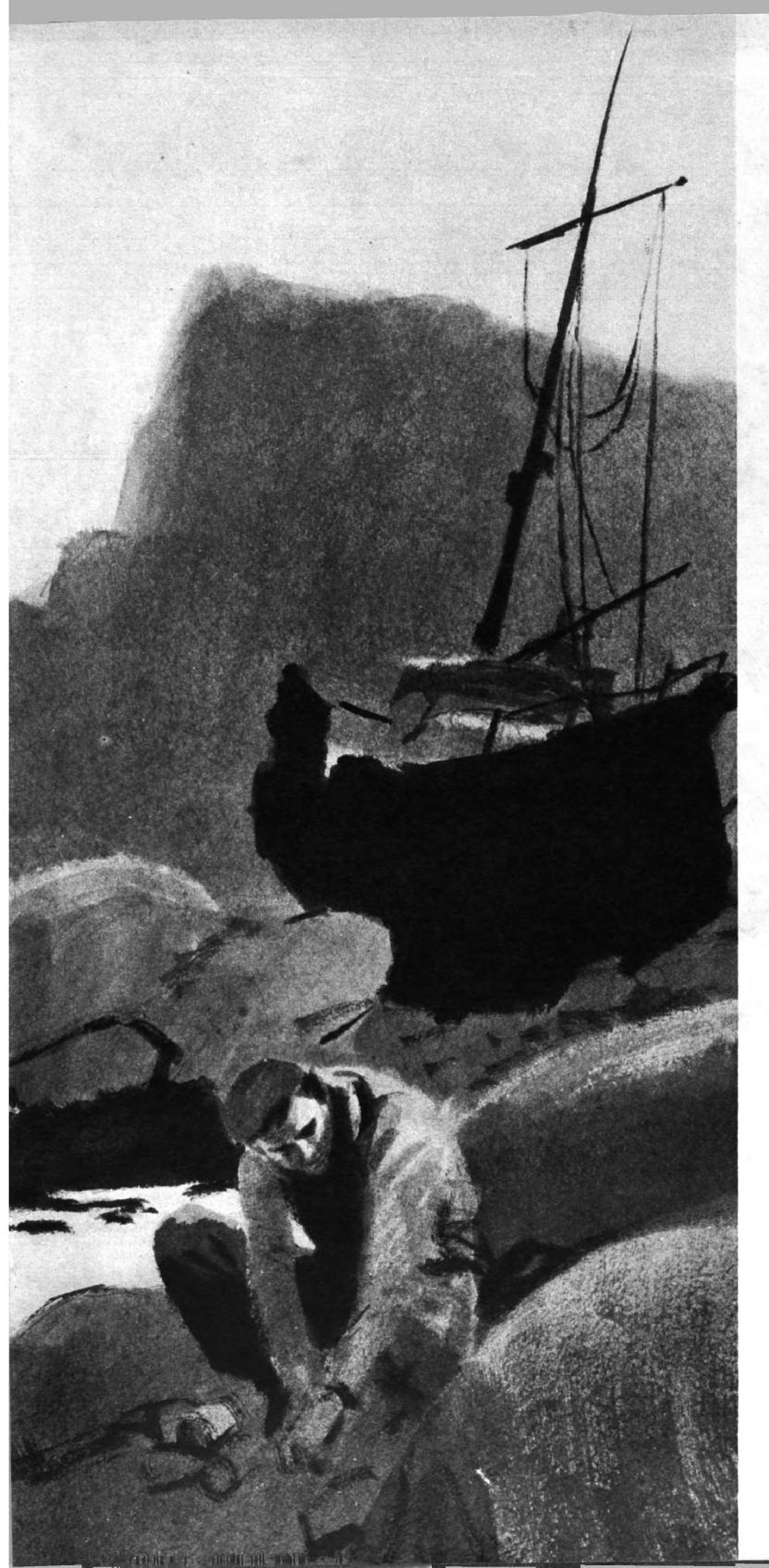
Витьку будто столбняк хватил, сердце у него забилось учащенно, и он долго не решался сдвинуться с места. Но человек из-за мыса не показывался, и в конце концов Витька решил, что ему померещилось. Тогда он стал подступать к шхуне опасливыми, сбивчивыми шажками.

Шхуна была безжизненна. И, что самое главное, нигде поблизости не было видно пепелищ, никто никогда не жег здесь костров, не варил еды.

Витька примерился, с какой стороны удобней всего взобраться на шхуну. Он обошел ее кругом, заметил пробоину в накренившемся борту, сказал со знанием дела: «Ага, так вот почему ты здесь очутилась!» Взявшись за металлическую стойку леера, легко вскарабкался на палубу.

«Конечно, здесь были и люди,— размышлял Витька, шаря в кубрике в ворохе разного тряпья: что-то могло сгодиться и для носки, ловецкие прорезиненные робы, например, почти новые, добротно сработанные резиновые сапоги. Он таким находкам даже радовался, ведь с обувью становилось все хуже, одежда тоже порядком обветшала.— Конечно, тут были и люди. Либо их сняли отсюда наши пограничники, либо они сумели каким-то образом

[1] Кекур — отдельная скала в море, камень-останец.

уйти со шхуны еще в часы шторма... либо они погибли!»

В одном из рыбацких рундуков Витька нащупал какие-то банки. Оказалось, мандариновый компот! Сто лет Витька во рту не держал ничего сладкого! Сто лет и еще почти месяц! С исступлением прижал он к груди банку, думая о том, как обрадуются в лагере его бесценной находке, как расцветет шеф, известный потребитель сладкого в прежние безбедные времена, как перестанет наконец психовать Станислав, и, может быть, какую-нибудь благодарность изобразит на унылой физиономии Миша Егорчик!

«Kikuchi brand»,— воспаленными глазами вчитывался Витька в смутно знакомые слова на банке; он немного знал английский, насколько его можно знать, с пятого на десятое усвоив программу средней школы.— «Mandarin oranges». Ну, это понятно. Однако что такое эти кикуши? Фирма, что ли, какая?..»

Он бережно потрогал пальцами крошечные — в каждом почти готовый сюжет — иероглифы, будто они могли вот-вот рассыпаться.

Витька не знал, что ему делать с вдруг привалившим богатством: забрать ли сразу всю дюжину банок, припасенных каким-то дальновидным рыбаком сверх общего котлового пайка, взять ли только одну банку для доказательства, для пробы...

Витька рассудил, что, если забрать все банки, с голодухи их растерзают и опомнятся только тогда, когда никакого компота не будет и в помине. Конечно, шеф — человек трезвый и строгий, он не позволит, а впрочем, как знать...

Витька сунул в рюкзак банку: для начала достаточно.

Он, конечно, долго еще шарил по закоулкам шхуны, но, кроме позеленевшей посуды, коекакого ломаного инструмента и непригодной радиостанции, ничего более не обнаружил. Обиднее всего — никакого не обнаружил пропитания! Они тоже не дураки — добром швыряться А эти банки, их кто-то в спешке позабыл, какой-то японский «егорчик».

Только в затхлом трюме наткнулся он на горку серого риса. Крупа безнадежно протухла.

Витьку передернуло, и он поспешно выбрался на палубу. Он было уже совсем вознамерился спрыгнуть на риф, но тут глаза ему светло-жестяным блеском резанула опорожненная банка.

— Опять «Kikuchi brand»,— ошеломленно проговорил он вслух.— Опять мандариновый компот!

Банка не была ржавой, ее донце кто-то небрежно взрезал ножом не дальше чем на днях, скорее всего, даже сегодня утром, даже час назад, потому что затаилась в пазах густая оранжевая жижа, не смытая дождем.

Витька постоял на палубе с этой банкой в руках неподвижно, будто у него отключилось соображение, а на глаза упали шоры, сделав их какими-то тупо-невидящими.

Внезапно Витька сорвался с места, загромыхал по трапу в кубрик, сгреб в охапку все банки, но они тут же вывалились из рук, стуча по рундукам и по полу. Тогда Витька расстегнул рюкзак...

Он вздохнул посвободней, когда спрятал компот далеко от шхуны под навалом камней.

«Вот теперь попробуй найди его,— удовлетворенно подумал он, прислушиваясь к тому, как что-то у него мелко-нервно дергается и будто подхихикивает.— Но неужели же на острове живет еще кто-то? И приходит изредка лакомиться мандаринами? Фу, черт, но, может быть, это Станислав?.. Ведь он бог знает в какую рань ушел шастать по острову!»

Ему стало немного обидно, что именно Станислав, а не он первым порадует шефа этим, вероятно, небывало вкусным мандариновым компотом.

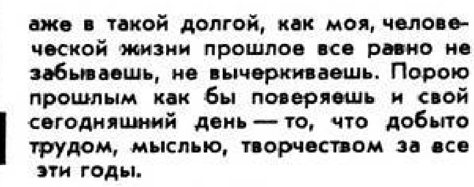
Из-за компота он не обратил сразу внимания на добротные мотки сизальского троса, разбросанные по трюму вместе с тресковыми кружка́ми-переметами, сплетенными из желтой бамбуковой коры. Он даже не подумал тогда в счастливом отупении, что с помощью сизальского троса без хлопот можно будет спуститься на сивучье лежбище.

Но ничего: он еще возвратится за тросом.

Продолжение следует.

НА ДЕСЯТОМ ДЕСЯТКЕ

С. КОНЕНКОВ

Даже в такой долгой, как моя, человеческой жизни прошлое все равно не забываешь, не вычеркиваешь. Порою прошлым как бы поверяешь и свой сегодняшний день — то, что добыто трудом, мыслью, творчеством за все эти годы.

Родился я в 1874 году, 28 июня по старому стилю. Полугодовалым ребенком заболел и, как рассказывали мне впоследствии, лежал в люльке, не смыкая глаз ни днем, ни ночью. Выздоровления никто не ожидал. Но я выздоровел.

Люлька висела, как и полагалось в смоленской деревне, в скотной хате. Сюда в студеную пору приводили отелившуюся корову. Под кроватями зимовали овцы с ягнятами. Воздух был спертый, тяжкий. От духоты я часто просыпался, и через маленькое оконце, выходившее в поле, к гумнам, и, забыв, отчего проснулся, подолгу всматривался вдаль, ища глазами зайцев, которые могли прибежать сюда на корешки — обрезки от капусты. Удавалось вдохнуть свежего воздуха, когда входил или выходил кто-либо из хаты: морозный воздух сразу врывался клубами.

Две другие хаты, принадлежавшие нашей многочисленной семье,— черная и горница — были также густо заселены. Когда нас, ребятишек, звали в горницу попить чайку, мы перебегали через двор босиком. Бежали опрометью, чтобы пятки к земле не примерзли.

Чай варился в чугуне. Заваривали липовый цвет или патруху — мелкую пыль от сена. С годами семья побогатела, тогда обзавелись большим медным самоваром и стали покупать настоящий чай. А молока опять недоставало: тем, что надаивали, надо было поить телят.

Зимой в скотной избе иногда появлялся еще один жилец — Чупка-шорник. Он шил конскую сбрую. Мы с любопытством наблюдали, как Чупка обрезал ремни и ремнями же сшивал их. И всюду у него по стенам были развешаны ремни. Мы зарились на такое богатство: вот бы нам на кнуты, погонять лошадей! Но Чупка строго предупреждал: коли возьмем хоть один, отхлещет по спине.

Тут же на крюке висела скрипка: Чупка всегда играл после работы. Мы с нетерпением ждали, когда он отложит в сторону ремни и возьмет в руки скрипку. Чупка исполнял «Разбой», «Барыню», «Лучинушку»... Признанного деревенского музыканта Чупку часто приглашали на свадьбы. Он гордился своим искусством, не допуская и мысли, что кто-либо в округе может превзойти его в игре. Он просто негодовал, когда кто-нибудь в разговоре обмолвится, бывало, что сапожник Романович — другой деревенский скрипач — лучше его играет «Камаринскую». Услышав такое, Чупка вешал скрипку на гвоздь, а смычок натирал салом, чтобы уж больше его и не просили.

Гордость Чупки-шорника теперь мне понятна. Это гордость настоящего артиста! Он отдавал музыке всего себя. И наивная вера Чупки, что невозможно превзойти его игру, была поистине прекрасна! Все самое чистое, самое удалое и молодецкое, самое высокое, что таилось в этом невзрачном, пропитанном кислыми ременными запахами человеке, оживало, когда он брал скрипку в руки.

Спокойная уверенность в себе, в добротности и звучности скрипок и виолончелей, сде-

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

ланных их руками, была в крови и у братьев Фоменковых — сыновей местного лесничего. Талантливые самородки, они сами изготовляли различные смычковые инструменты, сами сочиняли музыку и исполняли ее. Внимание и любовь деревенского люда были им наградой.

Тогда и я стал учиться играть на гармони и на скрипке. Сидя на печи, мастерил свои самодельные скрипки из лучины и бараньих кишок. Но гордым солистом — таким же, как Чупка и братья Фоменковы, в чем-то равным им — я почувствовал себя позже, тогда, когда мои первые детские рисунки привлекли внимание деревни, когда я, не встретив «конкуренции», стал «художником», известным на всю округу. Как и Чупка-шорник, я тоже мысли не допускал в детской запальчивости, что кто-нибудь превзойдет меня. Однако в этой ребяческой гордости не было бахвальства: она просто толкала к деятельности; это и в дальнейшей жизни позволило мне браться за все более трудные задачи в искусстве...

Помню, как мы работали втроем в скульптурной студии Московского училища живописи, ваяния и зодчества — продолговатом сарае с верхнебоковым светом на север — Голубкина, Малашкин и я.

Когда наш профессор, Сергей Иванович Иванов, подолгу не появлялся в сарае, с дощатого возвышения, устроенного посредине мастерской, слышался голос Анны Семеновны Голубкиной: «Малашкин, подите за Сергеем Ивановичем». Едва успевал Малашкин закончить работу, как Голубкина сверху просила: «Нет, Малашкин, не ходите. Пусть Коненков сходит». Я направлялся было к дверям, но и меня останавливал голос Анны Семеновны: «Подождите, Коненков, я сама».

Приходил профессор. Высокий, сухощавый, он громко кашлял и топал калошами. Потом начинался разбор скульптурных работ. Сергей Иванович, жестикулируя — движением рук обозначая линию или объем,— втолковывал Голубкиной: «У вас во, во и во. А надо — во, во и во». Та отрицательно качала головой. Профессор снова «вбкал» и наконец обращался к Малашкину: пусть он объяснит Голубкиной то, что ей неясно. И тогда Анна Семеновна, оскорбившись, недовольная, растягивая слова и якая, говорила: «Ня надо! Сама поня-ла...» Она углублялась в работу, и Сергей Иванович, наблюдая за ней, скоро убеждался, что Голубкина действительно поняла. Поняла сама!

Как это важно: понять самому! Самому найти. Обойтись без подсказки.

В Петербургской академии профессор Беклемишев не прочь был вести меня за ручку в работе над дипломным монументом. Но на жизнь мы смотрели по-разному, и разные у нас были цели... Я сказал профессору: «Я сам». И сам мучительно создавал «Самсона», сам переживал все радости и огорчения, связанные с появлением на свет моего детища.

Когда грянули события 1905 года, никто не являлся ко мне с приглашением: «Пожалуйте на улицу!» Я сам сколотил дружину, сам достал оружие и стоял на баррикаде, отражая атаки сумских гусар...

Я сам исполнял свои вещи в камне и дереве. Заблуждаясь, сам выходил на верную дорогу: работа подсказывала ее!

Мне непонятен человек, за которого всегда кто-то думает, которого кто-то ведет и подталкивает, которого кто-то вытаскивает из ямы, с которого кто-то счищает пыль и грязь дорог.

Мне хорошо запомнился по встречам в Америке великий ученый Иван Петрович Павлов. Конечно, он был тогда уже стар и слаб. Но когда кто-либо из нас пытался подхватить восьмидесятилетнего академика под руку, чтобы вести по лестнице, он требовательно и строго говорил: «Я сам».

Хорошее слово «самостоятельность» и происходит ведь от слов «я сам». А мы часто забываем об этом.

В недавней своей поездке предложил я для первого знакомства мальчику лет десяти решить загадку. Сидят три кошки, против каждой кошки еще по две кошки. Сколько всего кошек?

«Нам такого не задавали»,— обиженно ответил мне новый знакомец.

«Ну, а не скажешь ли, куда течет Волга?»

«Точно не знаю, но сейчас скажу».— И, подхватив на бегу какую-то чурку, он поскакал по песчаной крутизне к воде. Размахнулся, бросил чурку в Волгу. Минуты три стоял, наблюдая, как медленно, неслышно течение сносило чурку вправо. Потом вскарабкался наверх и, довольный, махнул рукой вниз по течению: «Туда!..» Мальчик был искренне рад, что сам решил немаловажную задачу: куда течет Волга...

И я рад. Может, юному волжанину на всю его дальнейшую жизнь пригодится такой-то вот урок — добытая самостоятельно крупица важного и нужного.

Иные поинтересуются: как, мол, это я на своем десятом-то десятке лет опять очутился у Волги? А вот взял да и поехал!.. Во многом способствовало тому письмо, полученное мною из Калинина.

В письме говорилось:

«Дорогой Сергей Тимофеевич! Два года назад Вы проезжали Калинин, где приобрели сувениры — игрушки из дерева, автором которых был я. Об этом Вы писали в журнале «Огонек». После Вашей статьи мне дали возможность организовать производство по выпуску художественных изделий, помогли мне с жильем. За все это мы приносим Вам большую благодарность. Но вот беда: сдавая вступительные экзамены в Строгановское училище, я заходил к Вам на дом, но, к сожалению, не застал. Уезжал домой огорченным: ввиду большого конкурса на скульптурное отделение мне не хватило одного балла для зачисления меня студентом. Ранее я окончил скульптурное отделение Московского художественно-промышленного училища имени Калинина.

С пожеланием здоровья и долгих лет творческой жизни

Борис Прокофьев».

Привело меня это письмо домой к автору игрушек. Бориса не оказалось. Скромная, милая жена Бориса Валя рассказывает, какой он, ее Борис, и как он огорчен своей неудачей в институте.

«Почему же фабрика ему не помогла?»

«Нет, они хотели помочь — вот характеристика»: «Дисциплинирован, активен в общественной жизни, с заданиями справляется...»

И ни слова о том, что парень — художник, создатель талантливых поделок из дерева.

Одно другого не легче. В институте не могут отличить мастера от приготовишки! А на фабрике, славой своей в известной мере обязанной молодому художнику, пишут в бумаге все что угодно, кроме необходимых слов.

«А где же Борис?»

«Он на картошке...»

Благодаря случившейся оказии Борису сообщили о моем приезде. Он отпросился на день, но отправился не домой, а сразу на фабрику. Поехали и мы туда, чтоб не тратить времени зря.

Проходная. Строгий вахтер. «Кто такие?» Мы ему, приблизительно верно, отвечаем: «Комиссия». Ответ этот дает нам ход без лишних проволочек. «Где здесь по дереву работают?»

Первый же, к кому обратились с вопросом, любезно отвечает: «Дверь направо и на второй этаж». Но на лестнице нас подозрительно, с ног до головы, оглядывает начальственного вида мужчина. Молчит, недовольно сопит, грозно спрашивает: «А вы, собственно, куда?» И тут же срывает зло на вахтере: «Пускают кого попало! Бе-зо-бразие!»

В кабинете наш новый знакомый наконец представился: «Я директор производственного объединения художественных промыслов Калинина. Одновременно директор фабрики!»

«А я Герой Социалистического Труда. Народный художник СССР».

«Народных художников у нас пока не бывало».

«Что ж, дождались. Вот я, значит, первый приехал...»

«Что вас интересует?»

«Скажите, где увидеть Бориса?»

Презрительная улыбка на губах.

«Борисов у нас много».

«Мне того, про которого я писал в статье «Совесть».

«Вера Дмитриевна, проводите в цех».

Над верстаком молодого рабочего, который, умело орудуя стамесками и ножом, вырезает из дерева сложные рельефы,— портрет Шекспира. Косторезы, приятно поразив меня смелостью фантазии и изобретательностью в работе, умно, иронично применяя лесковскую образность к своей жизни, вели разговор про Левшу, который блоху подковал, но ничего не понимал в деликатесах и на обеде в его честь запросил щей. Дескать, вовсе темный он мужик! Но в лукавом взгляде рассказчика читалось: людям-то дорог тот, кто непревзойден в мастерстве, а не в обжорстве.

Едва я вошел в токарное отделение, рабочие все как один выключили станки и без понукания объясняли и показывали мне свое хозяйство. Когда я уходил, они сердечно проводили меня, а один из них — парень в пропыленном комбинезоне — подошел с фотоаппаратом в руках и просто, хорошо попросил: «Сергей Тимофеевич, разрешите сфотографировать вас на память вместе с моими товарищами». «Пожалуйста»,— охотно согласился я.

Тут вновь появился директор. Неведомо почему он стал любезней. Возможно, ему что-то объяснили. Но быть естественным в этой роли

он не мог и поминутно срывался на начальственный тон. По всему видно было, что он продолжает — теперь уже как бы тайно — мериться со мною «чинами», не желая понять, что я приехал на фабрику к художникам и в каждом вижу здесь художника, с каждым разговариваю, как с равным, и мои собеседники отвечают мне тем же...

Директор же почему-то этих художников вокруг себя не замечал. Он ведь директор!..

На калининской фабрике делают неплохие игрушки. Но дай инициативу этим прекрасным мастерам, дай каждому из них «сверхзадание» — и они создадут удивительные вещи! К ним прислушиваться надо. С ними надо советоваться. Ими надо гордиться!

Какой же высокой культурой должен обладать руководитель художественного предприятия! Да и почему только художественного? Каждого нашего предприятия.

Уровень образования и культуры всего народа настолько вырос за последнее время, что грозный голос да «сурьезный» нрав — сомнительные качества руководителя, чем бы он ни руководил — филармонией или баней...

Я собирался распрощаться с людьми на фабрике, когда Вера Дмитриевна, чудесная женщина, выросшая от ученицы до начальника цеха, попросила обождать несколько минут. И пояснила: «Юра Фокин помчался на мотоцикле домой за игрушками. Он непременно хочет подарить вам свои работы».

«Наш Юра — настоящий герой. Многие деревянные игрушки делаются у нас по его образцам»,— поясняет главный инженер.— А у него нет кистей обеих рук. Но какой же он мастер, как любит свое дело!.. Играет в футбол без одной ноги, на протезе...

Игрушки Юрия Фокина на диво хороши! В них особая, песенная стать, сказочная правдивость, нарядность...

Моя похвала дорога была молодому мастеру, и если б меня спросили: «Пришлось ли тебе видеть вполне счастливого человека?»— я бы ответил: «Да. Вот он передо мной. Его зовут Юрий Николаевич Фокин».

В годы войны мальчишкой-несмышленышем Юра пережил личную трагедию, но не сдался. Оставшись без рук, он стал мастером — «золотые руки». Среди спортсменов он равный. В концертах самодеятельности Юрий — первый солист. Его окружают прекрасные товарищи. Друг Юрия, Борис Прокофьев, умеет вовремя подставить плечо, но и Юрий не остается в долгу: делится своей силой, своей верой.

...Здесь же в Калинине, на берегу Волги, в березовой роще, я добрый час говорил о жизни с молодым, здоровым и, видать, преуспевающим во всем парнем. Инженер, комсомолец, молодой отец... Парень этот долго мялся, да так ничего и не ответил на мой прямой вопрос: во что ты веришь?

Он думал, чесал в затылке, кряхтел, улыбался каким-то своим мыслям... Конечно, ему ничего не стоило сказать: ну, верю, мол, в коммунизм или «в бога», «в дьявола», «в утро», «в красоту». Нет, он действительно никогда не задумывался о своей вере. Просто жил.

А разве можно жить без веры, без большой цели? По-моему, нельзя! Без веры разве бы смог Юра Фокин стать счастливым человеком? Никогда!

Приходится признать, что мы иногда сужаем самое понятие «культура». Десятки лет существует нелепейшее название наших городских парков. Это, оказывается, не просто парк, а «парк культуры и отдыха»! Взялся бы кто-нибудь растолковать, что сие означает: парк культуры. Если мыслить логически, то выходит, что горожане, исстрадавшись в бескультурной среде улиц, квартир, предприятий и учреждений, за счастье почитают попасть в царство аттракционов, балаганов, садовых скамеек и киосков с мороженым, то есть в сферу действия «культуры». Наверное, это же все не так!..

К земле, к природе, к зелени тянется каждый. И особенно чувствуется это в больших городах. За последнее время не в «парки культуры», а все больше в поле, в леса устремляются миллионы горожан. Но устремляются, увы, забывая о настоящей культуре.

Грибники, охотники, туристы, прочесывая леса, подминают под себя кусты, топорами рушат деревья, разоряют гнезда, истребляют на своем пути все живое.

Этим летом в Подмосковье во многих местах богатая колхозная нива была растоптана отдыхающими; по густой спелой пшенице они ходили, бегали наперегонки; усевшись в кружок, играли в карты и в домино...

Никогда не перестану удивляться жестокому равнодушию, с каким торопливые горожане вминают в грязь чуть зазеленевшую траву придорожных газонов. Сеют эту траву женщины-работницы из управлений благоустройства. А топчут ее токари и слесари, инженеры и студенты... О трудовой, рабочей солидарности здесь не может быть и речи! Здесь на весь мир кричит чванливый обыватель: «Мне так удобнее!»

Они, эти «топтуны», не любят землю. Они понятия не имеют, каких трудов стоит вырастить зеленый стебелек.

Но тот, кто говорит о высоком, не глядя под ноги, не понимает, не знает и не любит это высокое! Говорит автоматически, без души...

Как часто видишь теперь новые здания вокруг себя. Они заселены. Но вокруг них пустынно: ни деревца, ни кустика, лишь вытоптанная земля. А как украсили бы жизнь людей березки и ивы возле дома, сирень, цветы, рдеющая рябина, яблони в спелых плодах!.. Сколько будет труда — столько и любви к красоте.

Такой красоте можете завидовать, добрые люди!

А вот и бывшая деревенская улица вселяется в современный двух-, четырех-, пятиэтажный дом; вчерашним сельским жителям не приходится теперь с коромыслом идти по воду; им не надо заботиться о топке печей и о многом другом. Но почему-то они теперь, равняясь по самому ленивому соседу, будут и год и два равнодушно взирать из окон уютной, нафранченной квартиры на замусоренный пустырь вокруг своего дома! «А я здесь при чем?» — думает, наверное, каждый.

Опять-таки, лишь разбудив людскую инициативу, привязанность к живой красоте деревьев, кустов, трав и цветов, мы без больших затрат государства — что очень важно! — сделаем все наши города и поселки зеленым раем — живым доказательством нашей человеческой культуры, нашего духовного богатства.

Забота о культуре должна распространяться на все сферы бытия. Воздух всей нашей жизни должен быть насыщен стремлением к культуре: тут никакими очагами культуры, никакими «парковыми» заводями не обойдешься! Мы за культуру всеобщую, повсеместную, повседневную. Мы за исчерпывающую полноту этого важного понятия «человеческая культура».

Как же важно сегодня — завтра может быть уже поздно — увлечь человека прекрасной задачей: овладеть всей полнотой культуры! И как еще часто человек, владеющий дипломом либо удостоверением о высоком образовании, не заслуживает даже имени «культурный человек». Как мало мы заботимся о взаимосвязанности этих вещей: образования и культуры. Как слабо эту культуру — широкую, подлинную, разностороннюю — воспитываем в наших детях.

В Калинине меня пригласил в гости школьный киноклуб имени А. П. Довженко. Встреча была исключительно радостной: активность, целеустремленность юных участников клуба приятно поражала. Ребята делают открытия, путешествуют по стране, живут деятельно, ярко. Они настоящие подвижники культуры! Пусть далеко не все из них станут деятелями кино, но каждый войдет в жизнь действительно культурным человеком! Жаль только, что пока это только одна школа среди нескольких десятков школ большого города...

Тут есть над чем поразмыслить ученым-педагогам. И, по-моему, это куда важнее и нужней, чем, сидя за кабинетным столом, изобретать слова типа «огурци» и «цигане»...

В 1924 году я в числе других русских советских художников, посланных Родиной в Америку для показа достижений искусства молодой Республики Советов, был свидетелем большого успеха нашей художественной выставки.

Советская выставка шла два с половиной месяца. На ней побывали десятки тысяч зрителей. Правда, в основном это была интеллигенция и богачи: выставка рано закрывалась, и рабочие не могли туда попасть... Но все равно успех превзошел все ожидания! Мы чувствовали себя посланцами культуры советского народа. И коль скоро нашу выставку приняли так хорошо, мы были вправе гордиться нашей культурой.

Это была реалистическая выставка. А в Америке уже в те годы расцветали многообразные формалистические течения, искусство стало предметом купли-продажи, а выставки — местом, где совершались сделки.

На одной из выставок в Нью-Йорке мои работы удостоились похвал критики, а вслед за тем ко мне в студию пожаловала мадам Рокфеллер. Не пускаясь в долгие разговоры, она взглядом биржевого маклера окинула находившуюся в приемной деревянную мебель-скульптуру. Коротко и властно называла цену.

«Вы о чем?»— спрашиваю я гостью.

«Я покупаю это у вас!»

«Вещи я подарил жене. Они не продаются!»

«Гуд бай!..»

Капитал не снес оскорбления. Мадам Рокфеллер уходит без долгих церемоний и никогда больше не пытается вступать со мной в контакт.

«Что вы наделали!»— наутро напали на меня «доброжелатели».

«Я?!»

«Да, вы ведь встречались вчера с мадам Рокфеллер!..»

«Извините, вчера я встретился с невежеством в золоте!»

Вдвойне приятно нам было оттого, что мы, не обезьянничая, а оставаясь самими собой, завоевали внимание зрителей.

«У советских собственная гордость»,— не зря сказано поэтом.

В ленинградском отеле «Астория» — множество иностранцев. Вечером в ресторане я без труда заметил, как угодничают хозяева перед зарубежными гостями; пригасили свет, оркестр лезет из кожи вон, исполняя джазовую чепуху, которую в западных кабаках почитают за танец... Рассердившись, я попросил позвать администратора.

«Да будет свет!» — сказал я ему. Кажется, он меня понял. Зажгли люстру. На эстраде появилась исполнительница русских и советских песен! А что же иностранцы? Они горячо зааплодировали!..

Уму непостижимо, с какой легкостью и неуважением к своей культуре заимствуют у нас всевозможные духовные суррогаты с зарубежным клеймом. На Западе в моде «свободная любовь». Так чем мы хуже, возопили доморощенные обыватели и бросились догонять отпетых циников Европы и Америки... Там превратили танец в надругательство над красотой,— и у нас несть числа поклонникам похабных «па» из модного твиста.

Недостаток достоинства порождается недостатком культуры.

Культура труда, культура быта, культура чувств, культура поведения... Что же все это такое?.. Надо разобраться!

Надо сделать достоянием каждого человека то полновесное духовное богатство, имя которому — советская культура. Такова, по-моему, одна из главных задач времени.

Время — это не только отсчет секунд, часов, дней, столетий. Каждое новое время — это новые формы жизни, новые люди, новые песни, новая архитектура, новые скорости...

Не хаос и произвол, а глубокий научный расчет стал альфой и омегой Революции. Расчет времени, учет настроения масс, твердое знание политической и военной ситуации, глубочайшее представление о характере народа.

Чтобы все эти факторы свести воедино и с точностью до минуты определить момент начала революции, нужно обладать огромной культурой мышления, какою обладал Ленин...

Культура — необычайно емкое понятие. Культура мышления, пожалуй, важнее всего. А это не только дар божий: культуре мышления надо учить. Прежде всего учить в школе.

Необычайно своевременно был обращен к революционному народу призыв Ленина: «Учиться, учиться и учиться».

Потребность в знаниях, в учении стала первой нашей потребностью, и в этом наша сила.

Сегодня же актуальнейшее требование жизни, по-моему,— учиться культуре!

Г. Толпекин (Киев). ДОРОГА НА МОРИНЦЫ.

В. Коробов (Запорожье). ЗА СИНЕЕ МОРЕ.

В. Зарецкий (Киев). ДЕВЧАТА.

В семье единой

Ростислав БРАТУНЬ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

(После поездки в Канаду)

Снова львовский вокзал.
Уезжал, приезжал,
Слал приветы знакомым с дороги.
Я стою на пороге
Отцовского дома,
На твоем,
Город детства,
Пороге.
С плеч я стряхиваю усталость.
Сколько верст за спиною
осталось!
Самолеты ревели так резко...
На своей мы земле,
На советской!

Пуст перрон. Ни души.
В тишине
Вспоминается давнее мне.
Ведь отсюда когда-то
В тревоге и горе
Земляки
Уезжали за море,
За границу, за двери,
Со скарбом неверья —
Нету места на родине синей,
На чужбине —
На той Украине.
Нет свободы и доли
На том суходоле.
Вижу, как тяжело
Уезжать поневоле.
И земля застонала, казалось,
Вся —
Смятенье и жалость.

...Я в раздумье стою на перроне.
И в душе моей марево тонет
Лихолетья.
Я объехал полсвета.
Я знаю:
У меня есть Отчизна родная,
Дом и дол,
Хлеб и стол.
Никогда, никогда
Не коснется нас эта беда.
Будут женщины ждать на пороге
И назад возвращаться дороги,
Огибая планету.

Город львиный!
Привычный, любимый!
Настежь окна распахнуты свету.
Я твой образ в разлуке леплю.
Я твой Замок Высокий люблю.
И твой каждый гудок заводской,
И земной непокой,
Дни
И сны,
Хлеб и воду,
Дающие силу.
По бульварам твоим поброжу,
Обо всем расспрошу,
Расскажу.

Улыбнется мне город,
Как сыну.

Перевел с украинского
Вл. Приходько.

Володимир ПАНЧЕНКО

ЭДЕЛЬВЕЙС

Синеют древние Карпаты...
Тут лесовоз свой начал рейс,
Тут альпинистом стал завзятым
Неприхотливый эдельвейс.

И он все выше лезет в горы
По голым скалам напрямик:
Он любит крутизну, просторы
И к посвисту ветров привык.

Они, как трубы, басовито
Гудят в ущельях меж долин...
И золото зари разлито
На острых гребнях верховин.

Перевел с украинского
А. Коршунов.

Ужгород.

Максим ТАНК

РАССВЕТ НАД НАРОЧЬЮ

Если собрать все клады,
И серебро, и золото,
Если в кузнечном горне
Лучшие ковали
Звездный огонь раздуют,
Вскинут большие молоты
И попытаются выковать
Ранний рассвет земли.—
Они повторить не смогут
Вспышку зари над Нарочью,
Когда еще спят колосья
И дремлет сосняк в тиши,
Когда ни облачка нá небе,
Ни крохотной тучки-хмарочки,
Когда шелестят чуть слышно
Прибрежные камыши.

Перевел с белорусского
Яков Хелемский.

Б. В. Морковин беседует с Е. П. Пешковой.

ШЕСТЬДЕСЯТ ЛЕТ СПУСТЯ

На днях Институт мировой литературы имени Горького посетил профессор Южно-Калифорнийского университета в Лос-Анжелосе, известный ученый-дефектолог Борис Владимирович Морковин.

Вряд ли широко известно, что в начале девятисотых годов Борис Морковин, в то время студент Московского университета, участвовал в студенческих волнениях и был выслан в Нижний Новгород. Здесь он познакомился и подружился с А. М. Горьким: в письмах начала девятисотых годов Алексей Максимович не раз с большой теплотой говорит о Морковине.

На собрании научных сотрудников института 82-летний ученый поделился воспоминаниями о встречах с Горьким и рассказал о своих научных работах.

— Знакомство и дружба с Горьким,— сказал Б. В. Морковин,— одна из самых светлых страниц моей жизни. Я счастлив, что мое мировоззрение формировалось и укреплялось под влиянием Горького. Алексей Максимович шутливо называл меня «чемоданом». Он читал мне свои рассказы, знакомил с литературными замыслами, вместе с ним мы часто ездили за Волгу, жгли костры и без конца беседовали, мечтая о том счастливом времени, когда рухнет прогнивший и ненавистный царский режим. В течение месяца Горький и я сидели в Нижегородском остроге, и камеры наши по счастливой случайности были рядом. Мы пробуравили в стене дырку и через нее переговаривались, обмениваясь новостями, мыслями,— даже в тюрьме не прекращалась наша дружба.

В институте Б. В. Морковин встретился с Екатериной Павловной Пешковой, с которой был знаком в нижегородский период жизни Горького. Встреча эта была необыкновенно трогательной и сердечной.

Ал. ЛЕСС
Фото автора.

ПИСЬМО ИЗ ЯПОНИИ

СПАСИБО, РОДИНА!

Я русская эмигрантка, живущая в настоящее время в Японии. За границу я выехала в июне 1917 года и с тех пор ни разу не была на Родине. Тот, кто долгое время жил за границей, может легко представить себе ту тягу на Родину, ту беспредельную тоску о ней, о своих родственниках, о своих родных местах, которые были у меня и моего мужа, тоже русского эмигранта. Нашей заветной мечтой было возвращение на Родину, но эта мечта по не зависящим от нас обстоятельствам была невыполнимой.

Несколько лет тому назад мы начали хлопотать о разрешении для меня хотя бы съездить на Родину в гости к родственникам, живущим на Алтае и около Воронежа.

В июле я наконец поехала в СССР. Находка — незнакомый мне порт, где я впервые ступила на родную землю. Вы не можете представить себе, какая радость охватила меня! Вот она, вот родная, горячо любимая земля Родины! Слезы застилали мои глаза... Вот они, родные, русские, советские люди... Как-то встретят меня? Как они отнесутся ко мне, эмигрантке? Но Родина сразу же выявила свои отношения. Они были как со стороны властей, так и со стороны всех советских граждан прекрасными. Заботливое, и, я сказала бы, ласковое отношение ко мне трогало меня до глубины души.

Примером такого отношения может служить следующий случай. У меня в Японии были частые и мучительные головные боли. В Воронеже я решила посоветоваться с советскими врачами. Они порекомендовали мне сделать операцию. Я согласилась. Операция была сделана в госпитале села Стрелица, Воронежской области. Операция прошла блестяще, почти безболезненно, и на восьмой день я уже вышла из госпиталя. К моему глубокому удивлению, с меня не взяли платы не только за операцию, но и за пребывание в госпитале... Где, в какой стране можно встретить такое гуманное отношение?..

Позвольте через ваш журнал принести мою искреннюю и большую благодарность хирургу, так талантливо сделавшему мне операцию,— Николаю Федоровичу Янпольскому, старшему врачу госпиталя Дмитрию Матвеевичу Сулину и всем медицинским работникам госпиталя, со стороны которых проявлялась замечательная заботливость и доброта ко мне.

Вся поездка в Советский Союз произвела на меня неизгладимое впечатление. Я, эмигрантка, почувствовала еще раз свою неразрывную связь с родным народом.

Гордость и счастье принадлежать к великой семье советских людей навсегда будут в моей душе, и я из переполненного благодарностью сердца говорю:

— Спасибо, советские люди! Спасибо, моя великая и такая глубоко человечная Родина!

Е. Е. КРУЧИНИНА

Иностранная новелла

Меч и перо

Халдун Танер, современный турецкий писатель, родился в 1916 году в семье профессора. После окончания лицея он учился в Гейдельбергском и Стамбулском университетах. Преподает историю театра в Стамбулском институте журналистики.

Первые рассказы Х. Танера появились в печати после второй мировой войны. С тех пор вышло пять сборников его рассказов, которые неоднократно переводились на европейские языки.

Много работает Х. Танер и в области драматургии. Его пьесы с успехом идут в турецких и европейских театрах. Человек демократических убеждений, он подвергался преследованиям цензуры и властей во времена диктатуры Мендереса. Запрещение его пьесы «Халиф на час» (1949) вызвало бурные протесты турецкой общественности.

Редакция восточной литературы издательства «Наука» готовит к выпуску на русском языке сборник его рассказов «Без одной минуты двенадцать».

Халдун ТАНЕР

Рисунки Ю. Черепанова.

Нет, о всяких там юристах и дипломатах, инженерах и финансистах и слушать не хотел миралай-бей[1]. Все эти плевые профессии он ни в грош не ставил. По его убеждению, настоящий мужчина, конечно, должен быть военным. Он прямо-таки диву давался, как это меня угораздило стать на стезю преподавателя, когда на свете существует военная служба. Ну хорошо, коль скоро на роду у меня было так написано, преподавал бы немецкий язык в какой-нибудь военной школе. Это не вышло, так на худой конец переводил бы с немецкого статьи для «Военного вестника», осведомлял бы наше доблестное воинство о последних достижениях стратегии и тактики.

Когда мы с сестрой начали посещать его по вечерам, уже после первых двух-трех раз вошло в обыкновение: дав ему выиграть по одной партии в шахматы, мы набирались великомученического терпения, чтобы выслушивать его бесконечные воспоминания о военной службе.

Ну и память, доложу я вам, была заключена в тщедушной этой оболочке! С какими подробностями и о чем он только не рассказывал! Как он, в те времена еще безусый юнкер, в присутствии маршала Зеки-паши на выпускном экзамене умудрился переспорить и своих наставников и господ членов экзаменационной комиссии. Как после младотурецкой революции он участвовал в жестоких спорах с офицерами-иттихадистами, кои тщились превратить войско в орудие презренной политики. Как он прямо в лицо бросил Энверу-паше: «Ты мародер!» — за что тот пытался, но безуспешно, уволить его с должности в штабе Андрианопольского укрепленного района.

Особенно любил он рассказывать, как был тяжело ранен в Балканскую кампанию, как его, приняв за убитого, оставили на поле сражения, как он в результате попал в плен к болгарам и только благодаря своему верному ординарцу Хасан-чавушу сумел бежать из лагеря военнопленных. Каждый из всех этих эпизодов мог послужить темой целого романа.

Однако знающие его рассказывают, что в молодости он и в самом деле был до бесшабашности отчаянным воякой. Шрамы на лбу, на груди и на бедре со всей бесспорностью свидетельствуют о былых его геройских подвигах.

К тому же он был и очень симпатичным в те времена. Мы видели его фотографию времен давней молодости. Папаха сдвинута набок, брови грозно нахмурены, рука на эфесе шашки, грудь сплошь в орденах... Но что поделаешь, беспощадная судьба взяла этого красавца-офицера в плотное кольцо окружения, сжимала, сжимала это кольцо и, наконец, словно косточку из выжатой черешни, зашвырнула его вот сюда, в малюсенькую комнатушку, что он снимает в хибаре с протекающей крышей. Шевелюра, напоминавшая раньше львиную гриву, совсем поредела и стала белой как снег, высокий, стройный стан согнулся, суровый, жесткий взгляд стал ребячливо-жалким. И не осталось ни души, что вспоминала бы хоть изредка о старике. В довершение всего еще и склероз свалился на беднягу. То и дело кружится голова, темнеет в глазах. После приступа, случившегося прошлой зимой, он и совсем ослаб. Настолько, что в простейших своих нуждах не мог уж обойтись без посторонней помощи.

Была у него, правда, дочь в Муданни. Но такая, что лучше бы ее и вовсе не было. Наглая, бессовестная баба, она появлялась в те дни, когда старик получал свою трехмесячную пенсию, отхватывала у него не мытьем так катаньем половину денег и тут же смывалась. Сколько раз я пытался было прогнать ее, но миралай-бей возражал.

— Знаю,— говорит,— неблагодарная, подлая тварь, одно наказание, все деньги, где бы ни раздобыла, тащит и отдает пьянчужке-мужу. Знаю, но что поделаешь, все же родное дитя.

Работу по дому, которую приходящая прислуга делала кое-как, тяп-ляп, вечерами, когда мы навещали старика, доделывала Неджля. Наблюдая, как она с видом принцессы, помогающей в свободное время раненым, деловито ходит туда-сюда, исчезает из комнаты, возвращается, бедный старик готов был провалиться сквозь землю.

— Как тяжко мне! — причитает он.— Как мне не по себе, поверьте! Моя бездельница-дочь покинула родителя на старости лет, а эта милая маленькая ханым должна ради меня столько трудиться!

И затем начинает предаваться мрачным размышлениям о своем одиночестве, старости, болезнях:

— Нет, пора умирать. Умереть, сгинуть с глаз долой. Да разве это жизнь? Одна только тягость добрым людям,— бормочет он.

Как только на глаза бедняги в подобные минуты начинают навертываться слезы, нужно сразу же переводить тему разговора на излюбленные им военные истории. И тогда он тут же забывает о своих горестях, словно расплакавшийся ребенок, которому сунули в руки игрушку.... И вот опять доклад фон дер Гольц-паши о перемене дислокаций. Высадка десанта на юго-восточном побережье острова, как он то бишь называется... Операция на окружение значительной группировки войск неприятеля.

Мм-да, погрузившись в воспоминания, господин полковник забывает все свои печали, но какой ценою достается это нам: мы должны делать вид, что все это очень интересно, и слушать, слушать вплоть до полуночи.

Однажды вечером, когда он вот так вдохновенно предавался своим воспоминаниям, у меня, сам не знаю как, вдруг сорвалось с языка:

— А вы бы все это записали, бей-эфенди!

Слово не воробей: уж раз выскочило, ничего не попишешь. И я, не обращая внимания на

[1] Миралай — полковник (в Оттоманской империи).

то, что Неджля щиплет меня за руку, продолжал:

— Если вы запечатлеете все эти факты на бумаге, то тем самым и предупредите их забвение и обессмертите свое имя.

Господин полковник замер на полуслове. Упершись взором в угол комнаты, пробормотал, словно в бреду:

— Об этом я совсем не подумал. Совсем не подумал...

Затем, переведя на меня ребячливый взгляд своих голубых глаз, он сказал:

— Ты очень правильно говоришь, сын мой. Да. Надо писать. Покуда рука моя способна еще держать перо, надо позаботиться о том, чтоб представить эти исторические свидетельства вниманию грядущих поколений. И как это я до сих пор об этом не догадался! Слава всевышнему, писать я еще вполне способен.

Не знаю, сколько мы еще проговорили в этот вечер. Я — радуясь мысли о том, что отныне, поверяя свои воспоминания не нам, а бумаге, он избавит нас от необходимости просиживать с ним до утра; он — в гордом упоении, словно уже запечатлел свое имя на скрижалях истории. Однако во всех мельчайших подробностях было обговорено этой ночью и содержание будущего произведения, и приблизительное количество глав книги, и название — называться книга должна была «Моя жизнь на полях сражений»,— и даже каким шрифтом книга должна быть набрана.

Господин полковник то и дело выражал при этом беспокойство:

— Хорошо, сынок, но не будем пока говорить гоп. Посмотрим, напечатают ли книгу издатели. Если даже и напечатают, найдутся ли покупатели?

— Ну, в этом отношении будьте спокойны,— отвечал я.— И издатели напечатают как миленькие и читатели будут покупать нарасхват.

Но он и без моих заверений тут же находил свои собственные доводы:

— А действительно, почему бы и нет? Во-первых, все офицеры, принимавшие участие в тех кампаниях, пожелают прочесть книгу. Да разве только они? Такой исторический документ, основанный на объективных фактах, командование генштаба наверняка будет рекомендовать всем военным училищам и войсковым органам. Да и Историческое общество, вполне вероятно, закажет экземпляров пятьсот — шестьсот.

* * *

Не откладывая дела в долгий ящик, господин полковник уже на следующее утро засучил рукава своей ночной рубахи. Из сундуков и шкафов он извлек старые карты, записные книжки, пожелтевшие письма своих товарищей, с которыми он переписывался в незапамятные времена, разложил все это перед собой — и давай писать.

И откуда только взялась такая деловитость, серьезность, надменность. И в позе и во взоре какое-то странное величие, к которому мы до сих пор не привыкли... Словно ушел тот, вчерашний, пропахший мочою старик, уступив место юному штабс-капитану, запечатленному на полуистлевшей фотокарточке. Не хватает только формы да бинокля на груди его высокоблагородия. Он и кроки с диспозицией батальонов вычерчивает и план атаки продумывает, склонясь над картой.

Даже когда Неджля, прибирая однажды его комнату, попыталась было смахнуть с карты спичку с обломанной головкой, старик завопил неожиданно истошным голосом:

— Не троооооонь! Осторожно! Это восьмой корпус!

Видя, как он изматывает себя работой, Неджля от жалости грызет ногти.

— И без того-то он был совсем немощный, болезненный, бедняжка. А по твоей вине, смотри, стрясется беда, всю жизнь будет совесть мучит тебя, ага-бей! — ворчит она.

— Уж если помирать, так пусть помрет из-за этого,— не вытерпел однажды я.— Коль он на ладан дышит, чем затухать постепенно, подобно лампаде, в которой кончается масло, пусть погаснет сразу, зато с яркой вспышкой.— И, гладя волосы сестренки, у которой глаза наполнялись слезами, добавил: — Не огорчайся, детеныш. Мы обеспечили старику в последние его дни такое счастье, о каком он и не думал. В этом не грех, а благодеяние.

Неджля ничего не сказала, однако видно было, что я ее не очень-то убедил.

* * *

Миралай-бей работал день и ночь, не покладая рук. И результаты этой лихорадочной деятельности не заставили себя долго ждать. Книга «Моя жизнь на полях сражений», которую, как я полагал, старик ни за что не кончит раньше чем через полтора года, была написана и даже переписана начисто тонюсеньким почерком господина полковника к концу лета. Перед лицом такой потрясающей авторской добросовестности тянуть с дальнейшим, отделываясь извинениями или какими-либо увертками, было просто невозможно. Чтобы довести до конца совершенное нами благодеяние, мы нашли издательство, которое согласилось выпустить книгу за наш счет, правдами и неправдами собрали необходимую сумму, издали книгу, пустили в продажу.

Как только книга была напечатана, миралай-бей разослал ее с огромными, на полстраницы, посвящениями, тексты которых были у него давно заготовлены, государственным деятелям, представителям командования генштаба, бывшим своим боевым соратникам, всем известным ему военным авторам. Когда эта операция была завершена, мы пригнали к его жилищу автомашину. Повезли старика, уже несколько лет не выезжавшего в Стамбул, на Анкарский проспект [1]. Предупрежденный заранее издатель встретил господина полковника у дверей с величайшей любезностью. Поцеловал ему руку. С восторгом начал отзываться о книге:

— Уже в первую неделю было продано сто экземпляров, таким громадным спросом до сегодняшнего дня не пользовались даже любовные романы! Что бы там ни говорилось, а у читательской публики очень хороший нюх на стоящие произведения. Нам нужно всячески поощрять направленную на обогащение нашей библиотечной культуры благородную деятельность таких мастеров слова, как вы, господин полковник, столь же виртуозно владеющий пером, сколь в свое время владевший мечом! — И т. д. и т. п.

Надо было видеть господина полковника в эти минуты! Он упоенно слушал издателя, сидя, прислонившись к спинке стула и положив обе руки на серебряный набалдашник трости, с глазами, зажмуренными от счастья.

Когда мы вышли от книгоиздателя, я подхватил его под одну руку, Неджля — под другую. Степенно, медленно стали спускаться вниз по улице. Завидев в витринах книжных магазинов свое произведение, господин полковник радовался, как ребенок, останавливался, и с восторгом рассматривал книгу в течение многих минут. Когда мы садились против нового почтамта в автомобиль, глаза его были полны слез. Он стиснул мою ладонь обеими руками.

— Ну вот, я и дожил до счастливого дня, теперь и помирать не жалко...

* * *

Вопреки предположениям Неджли, господин полковник не умер в тот вечер от радости. И не только не умер, но встал на следующее утро бодрым, как никогда. Было похоже, что успех чудодейственно отразился на его здоровье. Во взгляде его сквозило радостное возбуждение, в движениях — необыкновенная живость...

Все это, конечно, хорошо, прекрасно... Но однажды вкусивши, снова возжелал того же миралай-бей; не прошло и недели — как вам это понравится! — он заявил о своем категорическом намерении создать на этот раз «Историю войн». Боже, не надо, дорогой мой полковник! Ты человек уже в летах. Ну зачем так увлекаться?.. У тебя хватит славы, еще останется. Ты уже занес свое имя в историю золотыми буквами. Эх, и слушать не желает!

— Оставьте меня, эфенди,— отвечает мне. Дескать, семи смертям не бывать, а одной не миновать. Дескать, коль уж не способен он послужить родине мечом, надо служить хотя бы пером. И какое, собственно, значение в этих делах имеет возраст? Разве маршал Петэн, возглавлявший Францию накануне второй мировой войны, не был перевалившим за девяносто старцем? К тому же и издатель, что он сказал тогда? Разве он не сказал, что ждет от настоящих мастеров слова благородной деятельности, направленной на обогащение нашей библиотечной культуры? Если уж суждено умереть, так стоит умереть с пером в руке. А если кто-то еще будет возражать, так он, мол, готов пойти на разрыв с любыми друзьями. Когда речь идет о служении отчизне, личная дружба, дескать, не должна приниматься в расчет.

Короче говоря, решительно взбунтовался против всяких возражений миралай-бей. Ни увещевания, ни уговоры не возымели никакого действия.

Его высокопревосходительство по горло занят сейчас сбором документов и материалов к задуманной «Всеобщей истории войн». Запрошены у букинистов литографированные издания, касающиеся битвы Мурада Первого при Косово. Выдан задаток на предмет приобретения воспоминаний Саххафа Низаметтина и Гинденбурга. Без всякого сожаления отвалено тридцать лир за иллюстрированную книгу о русско-японской войне.

Что же касается меня, то я, обхватив голову обеими руками, занят черными размышлениями. Если я скажу всю правду о первой книге, боюсь, старика тут же свалит удар. Если промолчу, откуда взять денег на издание нового шедевра? А тут еще и Неджля завела старую песню:

— Ах, как он утомляется, ай, как бы не заболел, ой, не умер бы!

И как будто всего этого с меня недостаточно, вчера вечером возьми да явись из Мудании бесстыжая дщерь господина полковника. И представьте себе, что она заявила:

— Дошло до меня, что отец пишет вам книги, а вы на них деньги заколачиваете! Требую своей доли!

Перевел с турецкого Л. Старостов.

[1] Анкарский проспект — место, где расположены стамбулские издательства и книжные магазины.

ЩЕДРЫЕ ДАРЫ ОСЕНИ

Евг. ПОПОВКИН

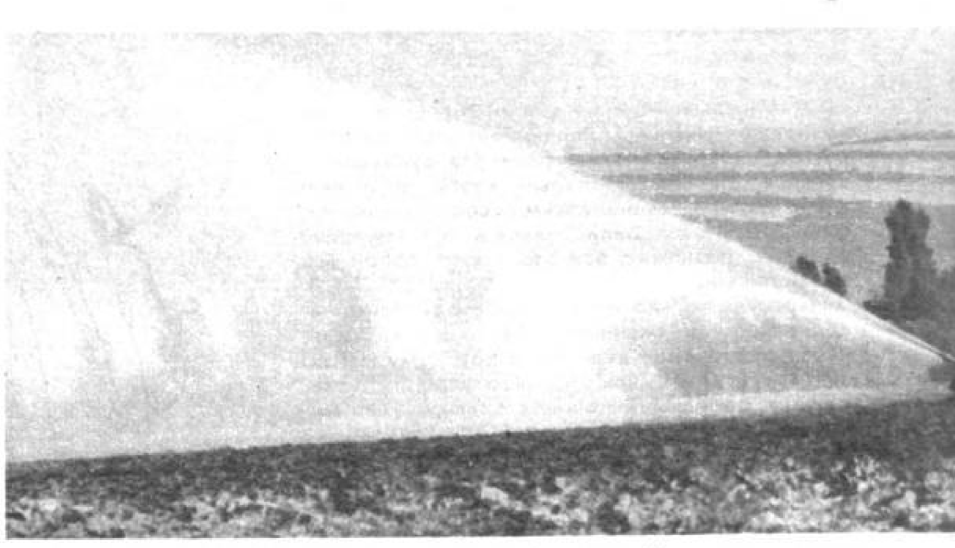
Фото Н. Козловского.

Ну как не залюбоваться такой усадьбой! Это владения совхоза «Коктебель».

Эту девушку зовут Анна.— Анна Брынзова. Она сборщица винограда в совхозе «Коктебель».

Механизированные установки, чем-то напоминающие «Катюши» военных времен, ведут искусственное дождевание на полях совхоза «Севастопольский».

И опытные фенологи и начинающие журналисты в многотрудных поисках новых, еще никем не использованных красок, рисующих золотую осень, дружно оперируют издавна знакомыми словами и эпитетами. Тут и «оранжевые, пышущие жаром клены» и березы, с которых «будто струится золото». И вязы, демонстрирующие набор всевозможных оттенков, — «от бледно-желтого, как лимон, до густо-красного и багрового»...

А если уж пишется о Крыме, то кто же не упомянет горы, окутанные прозрачной дымкой и пленяющие взор многообразными тонами и полутонами красок. И неповторимый бражный аромат, источаемый яблоневыми садами. И могучие, бескорыстно одаряющие людей заросли кизила, ожины, терна...

Много раз доводилось нам и читать и видеть все это в яви, но, кажется, никогда еще буйная осенняя красота не захватывала землю Тавриды так широко и щедро, как в нынешнем году. Столетиями ограничивалась она прибрежной полосой у лазурного моря, расцвечивала горы и предгорья, не достигая полынной, иссушенной зноем и безводьем степи.

Нынче словно помолодела вся древняя крымская земля. Можно ехать десятки, сотни километров от Севастополя до Армянска, от Евпатории до Керчи, — всюду, сколько охватывает взгляд, до самого горизонта фруктовые сады и виноградники, молодые лесопосадки, и снова — виноградники, сады, табачные плантации.

Что могли сулить крымскому хлеборобу присивашские почвы — солонцы и солончаки, способные родить лишь ковыль, полынок, солянку, перекати-поле?

Сюда пришла днепровская вода. И пришла не только желанной гостьей, а как рачительная, знающая свое дело труженица. И вот уже убирают в Красноперекопском районе рис. Еще год назад крымская земля такого не знала. По пятьдесят с лишним центнеров с гектара намолачивают рисоуборочными комбайнами механизаторы совхоза «Пятиозерный». А засеяно и обильно орошено в первый же год водами Днепра без малого две тысячи гектаров. Восемь тысяч тонн крымского риса получит страна!

По соседству, в том же районе, томились от безводья земли совхоза «Таврический». Здесь свершает поистине чудеса кукурузовод Владимир Семенович Саранча. Многолетняя дружба связывает его с прославленной дочерью узбекского народа Любой Ли. Как и Люба, бригадир совхоза Владимир Саранча выращивает на тарханкутской земле урожаи кукурузы, какие таврычанам никогда и не мерещились.

К его участку, зеленеющему как оазис в пустыне, привел нас краткий указатель: «На семинар».

Более шестисот участников — хлеборобов и ученых — собрались здесь, чтобы послушать Владимира Саранчу, создавшего в своей бригаде целую школу энтузиастов поливной кукурузы.

Принаряженные, оживленные участники семинара разглядывают саранчевскую кукурузу, вымахавшую в два человеческих роста, а наиболее придирчивые забираются в ее непролазную чащобу. И когда Владимир Семенович, высокий, подтянутый, обстоятельно рассказал, как с бригадой в тридцать человек вырастил на ста гектарах по 750—800 центнеров кукурузных стеблей с початками, кто-то правильно подметил:

— Да ведь это же доклад ученого! Ученого с большим практическим опытом.

А скупой на похвалы секретарь обкома партии Иван Кондратьевич Лутак сказал:

— Если бы такое богатство вырастить по всей нашей области, кормов было бы в полтора, а то и в два раза больше...

Уголок Крыма, орошаемого днепровской водой, еще невелик, но канал продолжает продвигаться в глубь степей, да и колхозы самостоятельно добывают все больше подпочвенной воды.

— В этом году,— сказали нам,— куда ни загляните, увидите, как растет культура земледелия, урожаи, доходы... Поезжайте хотя бы к Анне Герасимовне Кушнаревой.

Мы слышали о ней много доброго и до этого.

Совхоз ее овощеводческий. По-

— Наши ведут!
Идет волейбольное состязание школьников колхоза «Дружба народов».

Они готовят к сушке табак, выращенный в совхозе имени В. Чкалова.

— А что у нас такого особенного! — с улыбкой спросила Анна Герасимовна Кушнарева.

-ля невдалеке от Севастополя, у подножия «Сахарной головки», памятной советским воинам, освободившим черноморскую твердыню от фашистских захватчиков.

— А что у нас такого особенного? — с улыбкой спросила Анна Герасимовна. Мы с ней познакомились у здания совхозной конторы. Она только что подъехала на «Москвиче» и, лихо развернувшись, выключив зажигание, весело добавила: — Живем, как и все...

Слегка пококетничал молодой директор, будем откровенны. Первая республиканская премия, знамя Совета Министров УССР коллективу совхоза, Звезда Героя Социалистического Труда директору — все за три года. Мы знаем, когда Анна Герасимовна, агроном по образованию, приняла четыре года назад совхоз, он приносил семьдесят тысяч рублей убытка. Спустя год дал три с половиной тысячи прибыли. А еще через два года прибыль увеличилась до 137 тысяч рублей.

У меня возникло много вопросов к Анне Герасимовне, но все же, как говорится, лучше самим взглянуть, какими делами прославил себя коллектив совхоза. На участках была горячая пора уборки. Собирали капусту, помидоры, яблоки. Созревал, наливался сладкими соками виноград. Шло искусственное дождевание. Механизированные установки, чем-то напоминающие «Катюши» военных времен, которые выжигали в этих самых местах отборных гитлеровских головорезов, били такими мощными струями, что над плантациями, освещенными мирным октябрьским солнцем, сияла многоцветная радуга.

Нам рассказывают, что совхоз предполагает отгрузить семь с половиной тысяч тонн овощей, хотя в начале года запланировано 5 200 тонн. Четыре года назад было вдвое меньше.

— А чем займетесь потом, зимой?

Анна Герасимовна задорно разводит руками.

— Тем же... Свежие овощи выращиваем круглый год.

Здесь в почете и гидропоника, и теплицы, и полиэтиленовая пленка, под которой выращиваются ранние овощи. На дворе осень, а в теплицах (их 12 тысяч квадратных метров) в теплом и влажном, как в тропиках, воздухе уже цветут помидоры, желтеют завязи огурцов, вызревает перец, зеленеет молодой лук. Все это готовится к праздничному столу крымчан.

Невозможно не залюбоваться бесконечными рядками отлично ухоженных грядок под стеклянными крышами, безукоризненной чистотой парников да и самими девчатами, которые распоряжаются всем этим богатством. Недавние школьницы, они крепко дружат с наукой, пытливы, настойчивы и возьмут еще не одну высоту.

В Крыму много мастеров зеленых плантаций. Это и Владимир Саранча, примеру которого следуют его ученики. Это и свекловод из присивашского колхоза Герой Социалистического Труда Мария Яковлевна Верезий. Мария Яковлевна, применяя орошение, наметила в нынешнем году собрать по тысяче двести центнеров кормовой свеклы и 300 центнеров ботвы с каждого гектара.

Не могу не вспомнить добрым словом и своих давнишних крымских друзей — директора совхоза «Коктебель» Михаила Андреевича Македонского, председателя колхоза «Россия» Петра Семеновича Переверзева и председателя колхоза «Дружба народов» Илью Абрамовича Егудина. И не только потому, что с каждым годом они берут все новые высоты земледельческой науки, культуры, изобилия, бытового благополучия колхозников. На их примере учатся молодые колхозные вожаки. И вот уже быстро растут и радуют крымчан колхоз имени Ленина в Джанкойском районе и колхоз имени Ленина в Бахчисарайском районе, и с уважением называют имена их председателей Мирошника и Мордвинова.

...Щедрые, чудесные дары, плоды самоотверженного труда хлеборобов и виноградарей, табаководов и виноделов, преподносит стране преображенный Крым. Более трехсот тысяч тонн винограда переработают на вино и соки хозяйства одного лишь Крымвинсовхозтреста, двадцать одна тысяча тонн винограда будет отправлена советским людям в свежем виде. Одиннадцать медалей завоевали крымские виноделы нынешней осенью на международных конкурсах в Будапеште и Югославии. Шлет свою продукцию советским людям комбинат «Крымская роза» — масло лаванды, розы, шалфея. Экспортируется все это богатство и в братские социалистические страны и в Англию, Францию, Японию, Италию....

Идут по стальным магистралям нашей Родины поезда с дарами Крыма в Москву, Ленинград, города Сибири и Урала, во все уголки страны.

Хороший праздничный подарок приготовили труженики цветущей Тавриды.

ЗАБАВНЫЕ МЕЛОЧИ

ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ И ДЕТЕЙ

Читатели «Огонька» уже видели подобную фотографию в журнале № 11 в марте 1964 года. Она-то и натолкнула конструкторов Московского машиностроительного завода на мысль создать роликовое педало.

Катание на нем развивает ловкость, умение держать равновесие, укрепляет мышцы ног и является хорошим спортивным упражнением для взрослых и детей. Сейчас завод готовится к серийному выпуску таких педало.

Л. ПАВЛОВА,
инженер-конструктор

«КРЕПКИЕ» ВОЛОСЫ

Выступающая в американских цирках Х. Гольт показывает необычный номер. На высоте 20 метров под куполом цирка она держится на волосах. Артистка говорит: «Делать это не так трудно. Надо только причесать волосы так, чтобы тяжесть собственного тела была равномерно распределена на всю поверхность кожи...»

КАРТИНЫ НА ЗОНТИКЕ

На художественной выставке этого года в Венеции один из «поп-артистов» придумал новый способ демонстрации своих работ: все рисунки он наклеил на зонтик, который носил по залам.

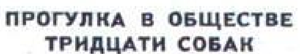

ВЕРХОМ НА МОРСКОМ СЛОНЕ

Морские слоны обитают в некоторых частях Тихого, Индийского и Атлантического океанов. Это очень крупные животные: длина тела самца достигает 5,5 метра, вес — трех с половиной тонн; самки несколько меньших размеров. В летние месяцы морские слоны образуют на островах лежбища. Здесь они и выкармливают своих детенышей. Разводить их в неволе еще никому не удавалось. В этих условиях они гибли в течение суток после рождения.

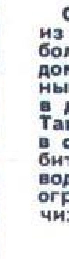
Служащий зоологического парка в Штутгарте (ФРГ) Г. Шарпф является, вероятно, первым в мире человеком, которому удалось оседлать морского слона по имени Тристан.

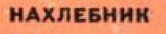
Тристан три года не подпускал к себе никого. Лишь терпение и настойчивость Шарпфа сломили его упорство. Сейчас они стали друзьями. Слон даже позволяет своему товарищу ездить на нем верхом.

ПРОГУЛКА В ОБЩЕСТВЕ ТРИДЦАТИ СОБАК

Семидесятилетняя англичанка Уорд из городка в графстве Камберленд — большая любительница собак. В ее доме живет более тридцати чистокровных псов разных пород, съедающих в день около ста килограммов пищи. Так как прокормить их сама Уорд не в состоянии, ей помогают другие любители собак. Но самое трудное — выводить всю свору на прогулки и ограждать их от любопытства бродячих псов.

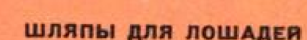
НАХЛЕБНИК

Кико Бечирович, шофер автобуса на линии Нови Пазар—Ивангград (Югославия), однажды заметил возле дороги большого медведя и бросил ему кусок хлеба. Медведь взял хлеб и спокойно удалился. С тех пор в течение почти двух лет медведь каждый день поджидал автобус, и пассажиры бросали ему хлеб. Только недавно этот миролюбивый медведь перестал появляться на дороге. Предполагают, что он погиб.

ЗАБЫТЫЕ ЧИНОВНИКИ

Только недавно в Риме было расформировано Управление строительства водопроводов в итальянских колониях. Хотя Италия давно уже лишилась своих колоний, учреждение это продолжало существовать, и тридцать чиновников получали зарплату. А так как в чиновничьем статуте Италии в рабочее время запрещено решать кроссворды и читать книги, служащие управления поочередно гуляли по городу, чтобы хоть как-то убить время.

ШЛЯПЫ ДЛЯ ЛОШАДЕЙ

Общество защиты животных в Буэнос-Айресе добилось вынесения правительственного постановления, согласно которому во время летней жары всем лошадям следует надевать старые шляпы.

ПОТЕРИ БОЛЕЛЬЩИКОВ

После одного футбольного состязания в Мадриде контролеры собрали со скамей оставленные там темпераментными болельщиками 17 часов, 14 цепочек для часов, 13 тростей, 3 женских туфли и 38 шляп.

МЕРЫ ПРОТИВ «ЗАЙЦЕВ»

Каждый житель швейцарского города Базель, если он везет с собой в трамвае собаку, должен взять на нее билет. Для удобства пассажиров городские власти выпустили специальные собачьи сезонные билеты. На билет должна быть приклеена фотография пса, чтобы ни одна собака не могла прокатиться «зайцем».

ТВИСТ И ПЕДАГОГИКА

В то время, когда твист в Нью-Йорке, казалось, начал выходить из моды, неожиданно он нашел покровителей в рядах педагогов. Компания «Мотивейшн рекордс» выпустила в продажу грампластинки, на которых основы химии, физики, географии и других наук передаются в виде песенок на мотив твиста. Ученики танцуют, напевая слова данного предмета.

ПОСРАМЛЕННЫЕ ЧЕМПИОНЫ

Участники состоявшегося недавно в норвежском городе Хортен состязания по стрельбе из ружья страшно оскандалились. Победителем в соревновании оказалась 12-летняя девочка, оставившая далеко позади всех известных чемпионов в этом виде спорта.

ЭЛЕКТРОНОС

Американская полиция приняла недавно на вооружение аппарат, умеющий различать запахи. Чутье этого механизма в тысячу раз превосходит нюх собаки. С его помощью можно будет определить, какие лица в течение последних 24 часов заходили в данное помещение.

ИГРА СЛУЧАЯ

Во время ночного полета над городом Денвером потерпел катастрофу самолет одного американского летчика. Игрой случая все стало на свое место: летчик, выпрыгнувший с парашютом, упал прямо на крышу больницы, одно из колес самолета откатилось к мастерской вулканизации, бак с запасом горючего приземлился возле пожарной команды.

НАКАЗАННАЯ ДЕРЗОСТЬ

Опустошив кассу одной из фабрик города Упсалы (Швеция), грабители решили немного пошутить и оставили на столе директора магнитофонную запись: «Благодарим вас, желаем успеха в работе и надеемся, что наши деловые связи и в дальнейшем будут развиваться к общему удовольствию». Полицейский узнал голос одного из своих «старых друзей», и через три дня вся банда очутилась за решеткой.

ЧЕТВЕРОНОГИЙ ИНСПЕКТОР

Газовое предприятие Франкфурта (ГДР) имеет в своем штате... собаку, необычайно чувствительную к запаху газа. Зовут ее Христа. В ее обязанности входит ежедневная инспекция семикилометрового газопровода, который она тщательно обнюхивает. Если Христа обнаруживает утечку, она тотчас же ложится на землю, громким лаем привлекая аварийные команды. Таким образом удалось уже устранить 14 повреждений газопровода.

ТОЛЬКО ДЛЯ ЖЕНАТЫХ

Один американский издатель выпустил календарь, странички которого окрашены в зеленый и синий цвета. Когда дата появляется на синем листке, завтрак готовит муж, зеленый цвет возлагает эту обязанность на жену. Календарь предприимчивого издателя имеет большой успех, особенно у женщин.

Вита ЖИЛИНСКАЙТЕ

Книга отзывов

Молодой художник Шепетелис устраивал первую выставку своих произведений. Картины были вывешены в небольшом уютном зале, в углу стоял симпатичный столик. А на нем лежала еще более симпатичная книга отзывов.

Уже с первого дня Шепетелиса подмывало заглянуть в нее. Но он сдерживался. Решил прочитать отзывы только после закрытия выставки. Ведь книга расскажет всю правду о его творчестве. Как хорошо, что эта книга существует!

И вот наконец выставка закрылась. Дрожащими руками художник раскрыл книгу, ожидая прочитать справедливый приговор.

Первая запись была лаконичной, но требовательной:

«Почему художник не осветил жизнь трубочистов? В. К.».

От второго отзыва повеяло надеждой:

«Выставка нам очень понравилась. Понравилось, как рыбак ловит рыбу, а доярка доит корову. Желаем художнику и в будущем рисовать так же хорошо. Октябрята школы-восьмилетки».

«Мне особенно понравилась картина,— гласила следующая запись,— где изображена утка на пруду. Сколько в ней экспрессии, подлинной жизни! Если художнику удастся изобразить наших тружеников так же реалистично, как эту утку, то его ждет великое будущее. С уважением Б.».

«Товарищ Б.,— читал Шепетелис далее,— видели ли вы когда-нибудь настоящую утку? Если нет, то садитесь на 35-й автобус и поезжайте в Иерусалимку. Там вы поймете, что птица, которую вы называете уткой, вовсе не утка, а гусь. Это подтвердит любой дошкольник».

«Мы пришли сюда затем, чтобы совершенствовать свой духовный мир, а вы ссоритесь! — возмущался автор следующего отзыва.— Посмотрите в окно, какой прекрасный весенний пейзаж! Д. Данголите».

— Посмотрите в окно! — ужаснулся Шепетелис, взглянув на свою картину с весенним пейзажем.

«И все-таки на пруду не гусь, а утка! Интересно, кто этот умник, что посылает людей в Иерусалимку? Пусть сам туда прокатится, кабинетная крыса!»

«Сам ты крыса! Не пачкай книгу, если не о чем писать. Рядовой посетитель».

«Товарищи! Давайте, не оскорбляя друг друга, хладнокровно обсудим: какую все-таки птицу изобразил художник Шепетелис. Короткий клюв свидетельствует о том, что это утка. Однако красноватость глаз более свойственна гусям. Предлагаю посоветоваться с авторитетными птицеводами. Климкене».

«Уважаемая Климкене! Жаль мне тебя! По окончании сельскохозяйственного техникума устроилась на тепленькое местечко продавщицей, и вот результат: не можешь отличить гуся от утки! Гусь тут нарисован, дорогая, настоящий гусь, которого ты променяла на замороженных. Бывший школьный товарищ».

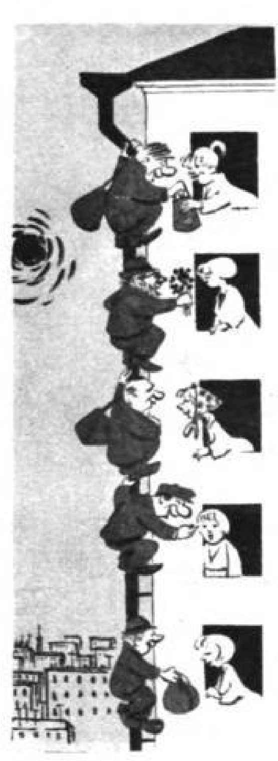
«Школьный товарищ, а что ты делаешь в городе, если окончил сельскохозяйственный техникум? А? Сам ты гусь!»

На этом отзывы обрывались.

Шепетелис медленно закрыл книгу и, как пьяный, качнулся в сторону птицы, вызвавшей столько споров. Он взглянул на нее ничего не видящими глазами и тихо прошептал:

— О небо! Неужели никто не увидел, что это лебедь?

Перевела с литовского Ел. КАНТОР.

Неприемный день в роддоме.

Рисунок В. Воеводина.

— Попробуй разбить хоть одну.

— Ну-с, что с собакой!

— Что-то с чутьем — облаяла моего начальника.

Рисунок Г. и В. Караваевых.

С милым рай и в шалаше.

Рисунки Ю. Черепанова.

— Это мама объясняет тете Кате, что такое стиль батерфляй.

Рисунок В. Воеводина.

ПОЕДИНОК С БАРСАМИ

Один из барсов, убитых Набиевым.

Вблизи высокогорного кишлака на Памире Тахтамыша стоит одинокая усадьба. Живет в ней знаменитый памирский охотник Чинибай Набиев. Ему 65 лет.

Однажды вечером он возвращался на лошади в родной кишлак. Вдруг тяжелый удар сзади выбил его из седла. Испуганно заржав, лошадь поднялась на дыбы и исчезла в ночной тиши.

В нескольких шагах появились четыре огонька. «Волки?» — промелькнуло в голове. Винтовки нет, и рука крепко сжала рукоятку охотничьего ножа.

Прыжок. Громадные когти зверя впились в толстую телогрейку. Выбросив правую руку вперед, Набиев вонзил нож по самую рукоятку в грудь хищника. Зверь заревел и покатился с дороги. Но как только охотник отпрянул в сторону, второй хищник бросился на него. Охотник упал на колени, но в последний миг успел схватить своего врага за горло...

Долго продолжалась эта схватка. Победителем оказался человек. Когда взошла луна, Набиев разглядел, с какими страшными врагами пришлось ему встретиться: перед ним лежали, раскинув толстые лапы с острыми выпущенными когтями, два барса.

45 лет своей жизни Чинибай Набиев посвятил охоте.

За эти годы он уничтожил и поймал живыми 38 барсов, более 70 волков, 5 медведей, около 100 лис и других хищников.

Недаром жители многих кишлаков Памира называют Чинибая Набиева «Сильный».

А. ДЕМОЧКИН

Восточный Памир.

ОЛИМПИЙСКИЕ МОНЕТЫ

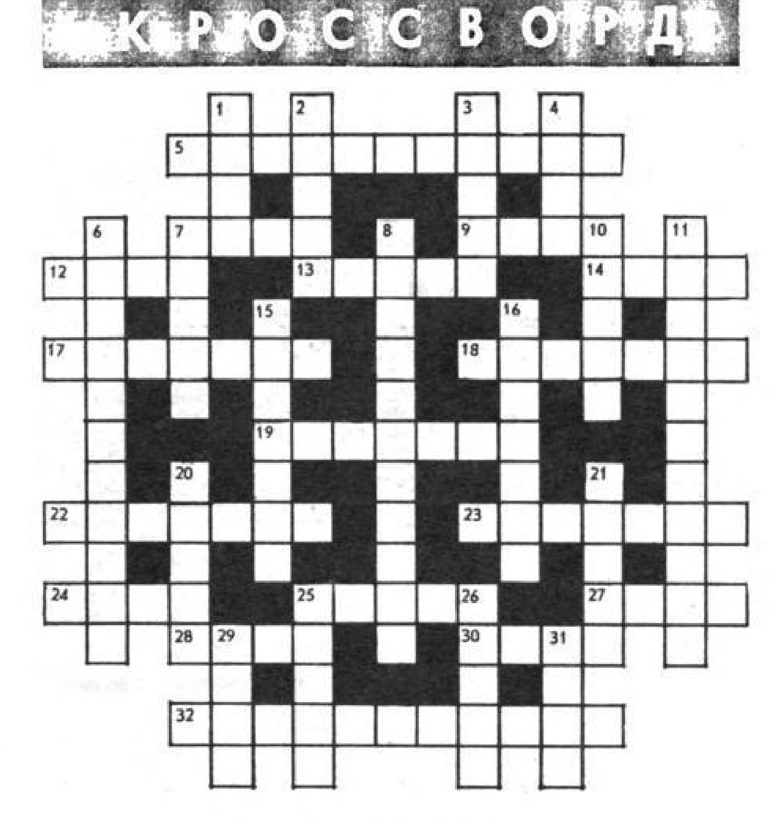
В честь XVIII Олимпийских игр в Токио выпущены памятные серебряные монеты достоинством в 100 и 1 000 иен. До этого единственная «олимпийская» монета была отчеканена в Финляндии в 1952 году.

А. РЕВИН

Токио.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Автор картины «Девятый вал». 7. Календарное время события. 9. Шерсть овцы. 12. Музыкальный знак. 13. Сельскохозяйственная работа. 14. Спутник Земли. 17. Музыкальная пьеса. 18. Певица, народная артистка СССР. 19. Персонаж романа А. Фадеева «Разгром». 22. Город в Узбекистане. 23. Русский композитор. 24. Народный поэт-певец. 25. Порт во Франции. 27. Приток Оби. 28. Курорт в Крыму. 30. Кондитерское изделие. 32. Опера Н. А. Римского-Корсакова.

По вертикали:

1. Плод южного дерева. 2. Помещение для автомобилей. 3. Река в Московской области. 4. Торжественная песня. 6. Поэма Н. А. Некрасова. 7. Итальянский поэт XIII—XIV веков. 8. Слой атмосферы. 10. Повесть А. И. Куприна. 11. Высшее учебное заведение. 15. Вид городского транспорта. 16. Украинский танец. 20. Ягода. 21. Овощное растение. 25. Хлебное изделие. 26. Категория в систематике животных. 29. Инвентарь аквалангиста. 31. Водный поток.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 44

По горизонтали:

5. Ломоносов. 8. Бамако. 9. Формат. 12. Плюс. 13. «Спартак». 15. Клуб. 16. Лимонад. 17. Пловдив. 18. Пародия. 20. Гималаи. 24. Конь. 25. Ниагара. 26. Упит. 27. Лопата. 29. Галлий. 31. «Порожняки».

По вертикали:

1. Ложа. 2. Водолаз. 3. Конфета. 4. Бобр. 6. Кассио. 7. Байков. 10. Аллигатор. 11. Кулинария. 13. Стадион. 14. Колпица. 19. Ольхон. 21. Азурит. 22. Захаров. 23. Тангенс. 28. Атом. 30. Лука.

■

На первой странице обложки: Хороши арбузы в Каракумах! Фото Д. Ухтомского.

На последней странице обложки: Утренний туалет корабля. Фото Дм. Бальтерманца.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются. **Оформление Е. КАЗАКОВА.**

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-10; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00783. Подписано к печати 28/X 1964 г.
Формат бум. 70×108 1/8. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Тираж 1 900 000 Изд. № 1741. Заказ № 2875.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ТЕАТРАЛЫ!

В. МОРОЗОВА
Фото А. Бочинина.

Разные бывают зрители: серьезные и строгие, разборчивые и капризные, веселые и беззаботные. Для одних жизнь без театра почти невозможна, и они готовы часами стоять у театральных киосков, лишь бы не пропустить очередной премьеры. Другие приходят в театр, чтобы немного развлечься, отдохнуть от повседневных забот и суеты.

Но самыми вдохновенными театралами бывают дети. Для них посещение театра — всегда большой праздник. Здесь ребята не просто отдыхают и развлекаются, они буквально живут жизнью героев пьесы, плачут, смеются и страдают вместе с ними. Эти маленькие зрители всегда так непосредственны, искренни в своих порой еще не осознанных оценках, что наблюдать за ними в театре бывает так же интересно, как следить за развитием действия на сцене.

Маленькие модницы слегка смущены: куда же идти!

Напряженный момент.

ПО МОСКВЕ ИДЕТ ТРОЛЛЕЙБУС

Влюбленный милиционер.

Зачитался.

Какая же красивая Снегурочка!

А у меня уже и сил нет смеяться.

Взрыв смеха.

Серьезный зритель.

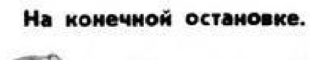

Пригодился папин бинокль.

Без слов.

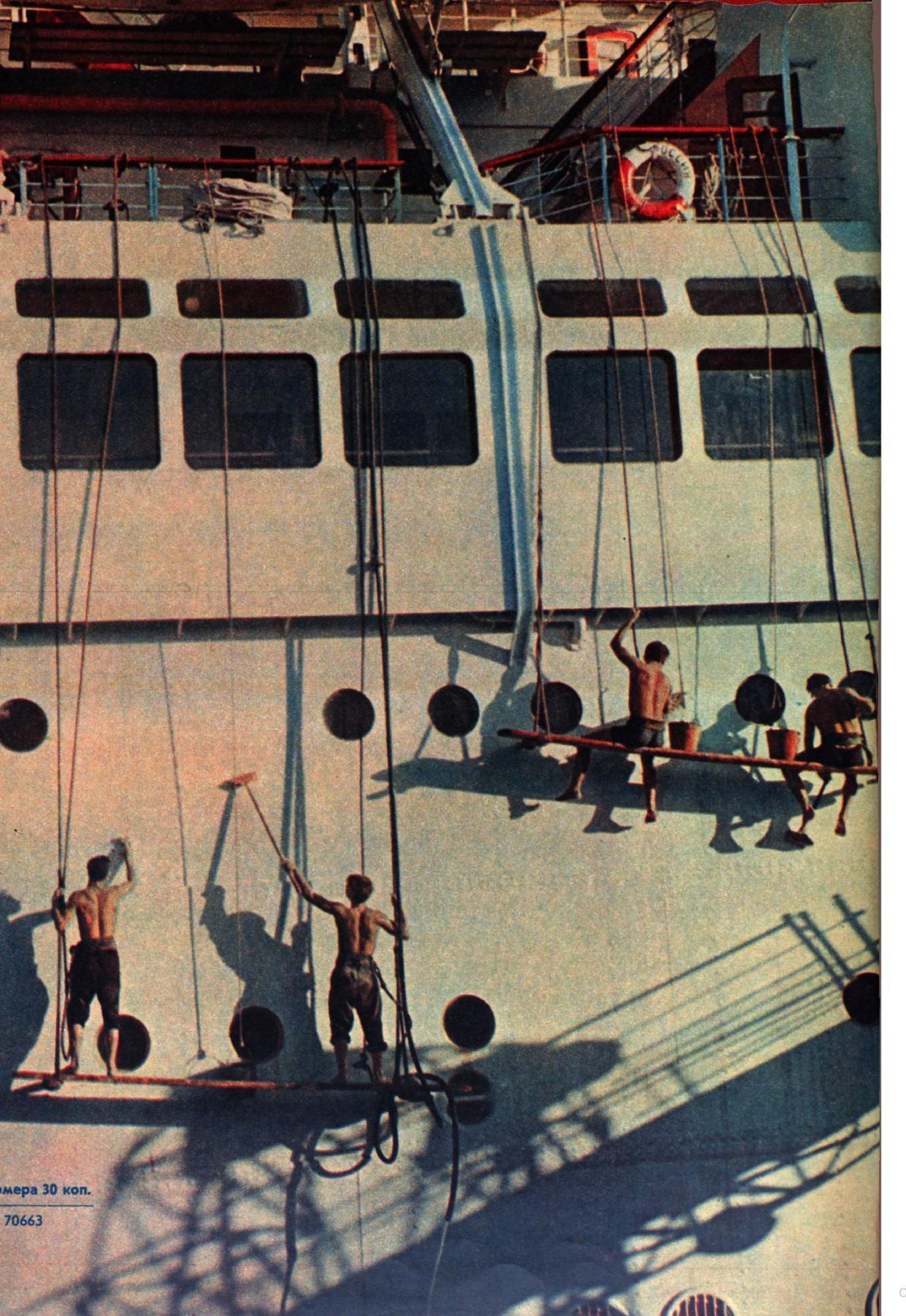
Опоздал.

На конечной остановке.

Рисунки В. Черникова.

омера 30 коп.
70663